

ОН ЗНАЕТ О ТЕБЕ ВСЁ.
ДАЖЕ ТО, ЧЕГО ТЫ САМА
НЕ ПОМНИШЬ.

ПОДШЕСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЫ НЕ ВИДИШЬ ЕГО.
НО ОН ВСЕГДА **РЯДОМ.**

18+

Nia Ashcroft

Подписчик

«Автор»

2026

Ashcroft N.

Подписчик / N. Ashcroft — «Автор», 2026

Она - популярный блогер с 8 миллионами подписчиков. Он - одержимый сталкер. Обычным утром она просыпается и обнаруживает, что все её аккаунты взломаны и удалены. Он терроризирует её сообщениями, и однажды ночью она просыпается и видит его в кресле напротив. Она не знает его лица. Он знает её от и до, потому что наблюдает за ней гораздо дольше, чем она думает.

© Ashcroft N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Nia Ashcroft

Подписчик

Пролог

Он сидел в темноте.

Я не видела его лица — только знакомый силуэт в чёрном капюшоне, неподвижный, почти сливающийся с креслом у окна.

— Сегодня тоже хочешь посмотреть? — я улыбнулась.

Тишина.

Не спеша подошла немного ближе, так, чтобы лунный свет от окна освещал мое тело, подняла руку, и начала развязывать пояс шелкового халата.

Его руки, которые до этого расслаблено лежали на подлокотниках, сжались.

Внутри меня вспыхнуло удовлетворение.

Не ты один можешь играть в эту игру, ублюдок.

— В прошлый раз ты был куда разговорчивее.

Его голова чуть наклонилась.

— Джосс.

От его хриплого голоса у меня по спине пробежали мурашки.

Медленно развязала пояс и обнажила перед ним полную грудь. В свете луны она казалась особенно нежной и чувствительной.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как у него перехватило дыхание.

Не отрывая от него взгляд, я подошла к прозрачному журнальному столику и села на край. Откинулась назад, опираясь ладонями о холодное стекло, и запрокинула голову.

— Что случилось? — тихо спросила я. — Язык проглотил?

Он молчал и я повернула голову в его сторону.

— Или тебе нравится только *смотреть*?

Глава 1

Сначала я решила, что Инстаграм просто лёг.

Такое случилось, и, учитывая количество людей, которые ежедневно пытались загрузить туда фотографии своего завтрака, ребёнка, собаки или полуголой задницы, удивительно было не то, что приложение иногда зависало, а то, что оно вообще продолжало работать.

Я сидела на кровати, завернувшись в махровый белый халат, и, ещё не до конца проснувшись, лениво обновила страницу.

Пользователь не найден.

Я нахмурилась и снова потянула экран вниз, подождала несколько секунд и повторила попытку. Ничего не изменилось.

— Цукерберг, да что там у вас происходит! — резко выкрикнула я в пустоту.

Бони, мирно спавшая в кресле у окна, мгновенно встрепенулась и посмотрела на меня с привычным кошачьим презрением.

— Бони, почему не грузится?!

Она медленно отвернулась. Проблемы кожаных шерстяных не чесали, это всем известно. Я подобрала её с улицы примерно восемь лет назад, совершенно случайно: увидела маленький комок грязной шерсти под припаркованной машиной, остановилась, чтобы покормить, а через десять минут уже везла её домой в своей сумке. С тех пор Бони больше никогда не знала ни улицы, ни холода, ни голода, зато прекрасно освоила искусство спать на моей подушке, требовать еду в четыре утра и смотреть на меня так, будто квартира принадлежала ей, а я просто временно оплачивала аренду.

Я закрыла приложение, подождала несколько секунд и открыла его снова.

Пользователь не найден.

Сердце болезненно сжалось от плохого предчувствия.

Я сидела неподвижно, глядя на экран, и пыталась придумать происходящему нормальное объяснение. Сбой. Ошибка приложения. Временная блокировка. Проблемы с серверами. Что угодно, что можно будет исправить одним звонком человеку, который получает от меня зарплату именно за то, чтобы подобные вещи не происходили.

Я открыла браузер и ввела свой ник, чтобы посмотреть виден ли мой профиль другим людям.

Пользователь не найден.

В груди неприятно кольнуло и я быстро набрала уже своё настоящее имя в поисковике. Мой профиль в гугле, старые фотографии из постов, рекламные баннеры, ссылки на интервью на ютубе. Всё на месте. Я уже собиралась закрыть браузер, когда заметила, что одна из обложек на ютубе с моим последним интервью стала серой. Я нажала на неё, несколько секунд на экране крутился знакомый значок загрузки.

Ошибка.

— Что за... — я вернулась назад и нажала на интервью.

Ошибка.

Открыла ссылку рекламной кампании с тренажерным залом.

Страница не найдена.

Я почувствовала, как в животе медленно начинает собираться холодный, неприятный ком. Я быстро набрала номер Оливии, она ответила почти сразу.

— Доброе утро. Ты уже...

— Оливия, что происходит, почему мои проекты удаляют?! — я почти кричала в трубку.

На другом конце повисла короткая пауза.

— В смысле — удаляют?

Я снова посмотрела на экран.

Страница не найдена.

— В прямом. Gfit удалили мой коллаб, интервью для Blog Talk тоже исчезло.

— Подожди. Как это — исчезло?

Сонная расслабленность мгновенно исчезла из её голоса.

— Я не знаю, Лив. И инстаграм тоже пишет, что пользователь не найден. Я попробовала войти снова. Через почту тоже. Меня что, отменили?! Почему я не в курсе, Лив?! Что происходит?

— Ты говоришь про основной аккаунт?

Я закрыла глаза, борясь с раздражением.

— Да, Оливия. Про тот самый основной аккаунт с восемью миллионами подписчиков, контрактами, рекламными интеграциями и всей моей грёбаной жизнью.

На другом конце повисла тишина. Я знала Оливию достаточно давно, чтобы понимать: если она молчит, значит, уже проверяет информацию.

— Хорошо. Не паникуй.

— Я не паникую.

— Джоселин.

— Пока не паникую.

— Я еду к тебе. Ничего не удаляй, не меняй пароли и не пытайся самостоятельно восстановить доступ ещё десять раз.

Я посмотрела на экран.

— Уже пыталась четыре.

— Значит, остановись на четырёх.

— А если...

— Не накручивай себя. Я вызвала IT команду, мы разберемся.

Она отключилась раньше, чем я успела ответить. Я медленно опустила телефон.

За окнами квартиры Нью-Йорк уже окончательно проснулся. С высоты тридцать седьмого этажа город выглядел почти нереальным. Стекланные фасады ловили холодный апрельский свет, внизу медленно двигался поток машин, а между зданиями виднелись крошечные фигурки людей, спешащих по своим совершенно обычным делам.

Я на автомате вышла на кухню, чтобы исполнить свои ежедневные утренние обязанности единственного кормильца вечно голодной кошки. Я смотрела на то как Бони ест, с удовольствием причмокивая над мокрым кормом, впервые не испытывая при этом умиления. Внутри меня нарастало тревожное ощущение, что прямо сейчас происходит что-то очень плохое.

К полудню в моей квартире уже находились люди, которых я раньше видела только на видеозвонках. Двое специалистов по кибербезопасности заняли кухонный стол, ещё один устроился в гостиной, Оливия одновременно разговаривала по телефону и печатала кому-то сообщения, а мой менеджер Алекс пыталась дозвониться до рекламодателей, которые удалили мои проекты.

В какой-то момент я перестала понимать, кто именно за что отвечает и просто ходила туда-сюда по квартире, пытаясь вникнуть что происходит.

— Ну что там? — спросила я, останавливаясь напротив одного из специалистов.

Он поднял на меня взгляд.

— Мы пока проверяем.

— Вы тоже самое мне говорили сорок минут назад.

— Джоселин, я понимаю, что вы нервничаете...

— Нет, — перебила я. — Вы не понимаете. Если бы понимали, вы бы сейчас не говорили мне, что я нервничаю.

Оливия подняла голову от телефона.

— Джосс.

Я провела ладонями по лицу.

— Мы видим признаки несанкционированного доступа.

Я замерла.

— То есть?

— То есть это не просто сбой.

Тревога, которая всё утро сидела где-то глубоко внутри, наконец подняла голову.

— Меня взломали?

— С большей долей вероятности.

Я глубоко вздохнула, почувствовав странное облегчение. Никогда не думала, что буду радоваться, что меня взломали. Взлом я могу пережить, массовую отмену – нет.

— Хорошо, — я кивнула. — Значит, вы можете это исправить.

Он ответил не сразу.

— Боюсь, что проблема может быть шире, чем... — телефонный звонок разорвал тишину комнаты и прервал специалиста.

Алекс быстро схватила телефон и подняла к уху. Несколько секунд она напряженно слушала, кивала и давала короткие ответы кому-то на другом конце провода.

— Что? — выпалила я, как только она положила трубку.

— Один из каналов, где выходило твоё интервью в прошлом году, удалил эфир.

— Удалил?

— Да. — она почесала бровь. Это был её стандартный жест, когда она погружалась в размышления.

— Почему?

— Они пока не знают.

— Что значит «не знают»? — я выплюнула.

— По словам представителей канала, решения об удалении контента не выносилось. Это произошло... само. — она пожала плечами, глазами ища поддержки у специалистов.

Специалист по кибербезопасности, с которым у Алекс кажется был роман встал из-за стола.

— Джоселин, — сказал он. — Это не похоже на обычный взлом.

— А на что это похоже?

— Если мы восстановим хронологию, то получается, что сначала исчез ваш основной аккаунт в инстаграм, потом доступ к сайту. Сейчас начали пропадать отдельные публикации, интервью и рекламные материалы.

Я смотрела на него, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Кто-то не просто получил доступ к вашим данным.

Он снова посмотрел на экран.

— Кто-то методично стирает весь ваш информационный след.

Я даже не сразу поняла смысл сказанного.

— Это как? — я нахмурилась.

Он повернулся ко мне.

— Это значит, что кто-то последовательно удаляет всё, что связано с вами в интернете.

Не

только аккаунты, вообще всё.

— Зачем? — спросила я.

Никто не ответил.

— Зачем кому-то это делать? — сказала уже громче.

Специалист снял очки и потёр переносицу.

— Возможно, чтобы потребовать деньги. Как один из вариантов.

— Они удаляют десять лет моей работы ради денег?

— Мы пока не знаем.

В моем горле застрял горький смешок. — Прекрасно. Значит, у меня есть несколько миллионов причин надеяться, что кто-то просто хочет денег.

— Джосс, — тихо сказала Оливия.

Я отвернулась от них и подошла к окну, чтобы скрыть подступившие слезы.

Я всегда говорила, что цифры ничего не значат. Это была одна из тех фраз, которые прекрасно звучали в интервью. На самом деле я знала точное количество своих подписчиков практически в любой момент дня. Если число падало на несколько тысяч, я замечала это раньше, чем то, что у меня закончился кофе.

Я не просто показывала людям свою жизнь. В какой-то момент я превратила её в продаваемый продукт: книги, которые я читала, становились рекламной интеграцией с книжным клубом, одежда, которую носила, — ссылками и промокодами. Поездки превращались в коллаборации, ужины — в рекламу ресторанов, а плохое настроение вполне могло стать идеальной подводкой к интеграции психологического центра.

Восемь миллионов человек не появились из воздуха. За этой цифрой были годы работы, сотни бессонных ночей, тысячи фотографий и видео, которые никто никогда не увидит, потому что я сочла их недостаточно хорошими. Были контракты, которые я выгрызала буквально у сотен других таких же голодных до славы людей, как я сама. Были бренды, которым сначала приходилось доказывать, что я чего-то стою, и первые несколько лет, когда один неудачный пост мог означать, что в следующем месяце нам с Боней будет нечем платить за квартиру.

А теперь кто-то методично, и, судя по всему, без особой спешки, стирал моё существование.

Телефон снова завибрировал.

— Что ещё? — сказала слишком резко.

Алекс посмотрела на экран.

— Ещё две ссылки пропали.

У меня внутри всё оборвалось.

— Сделайте же хоть что-то! — я сорвалась на истеричный крик.

Один из специалистов быстро что-то напечатал, переключаясь между окнами. Второй поднял на меня взгляд, и выражение его лица мне сразу не понравилось.

— Мы работаем, — сказал он. — Но сейчас нам нужно понять масштаб доступа. Пока мы можем подтвердить несанкционированный доступ к вашим аккаунтам и связанным сервисам. Но если злоумышленник получил ваши учётные данные или доступ к резервным ключам, нельзя исключать, что этим всё не ограничилось.

— Не ограничилось чем?

— Вашими устройствами. Мы не утверждаем, что он получил к ним полный доступ, — быстро уточнил специалист.

— Но ваши телефон, ноутбук, планшет и их... камеры, — он особенно выделил последнее, — Всё, что синхронизировано с вашими аккаунтами или облачным хранилищем, сейчас необходимо проверить.

Я медленно посмотрела на телефон, лежавший на журнальном столике.

— Вы хотите сказать, что кто-то мог следить за мной через камеру на моем же телефоне?!

— Я хочу сказать, что это не исключено, потому что тот, кто это сделал, очень хорошо знает, как не оставлять следов.

Я почувствовала, как внутри холодеет.

Мозг тут же, совершенно против моей воли, начал представлять, *что* этот человек мог увидеть через объектив камеры на моем телефоне или ноутбуке, пока я думала, что отдыхаю

от пристального внимания чужих глаз, *к чему* он мог получить доступ. Переписки. Документы. Архивы, которые я когда-то отправляла себе на телефон, а потом благополучно забывала о них.

При мысли об обнаженных фотографиях волоски на моей шее приподнялись. Я судорожно попыталась вспомнить, где именно они могли храниться. В памяти тут же начали всплывать снимки, о существовании которых я предпочла бы не вспоминать.

К щекам прилила кровь.

И это ещё не учитывая всё остальное: неудачно сформулированные сообщения, старые ссоры, жалобы на людей, с которыми теперь приходилось улыбаться друг другу на мероприятиях. Всё то, что можно было вырвать из контекста, выложить в сеть и превратить в публичную казнь — достаточно было правильно выбрать несколько фраз, добавить к ним нужный заголовок, а дальше интернет с удовольствием сделал бы всё остальное сам.

Я слишком хорошо знала, как это работает.

Сегодня ты публикуешь неудачный скриншот, а уже завтра тысячи людей, которые до этого знать тебя не знали, требуют, чтобы тебя отменили, послезавтра бренды удаляют твои проекты и делают вид, что никогда тебя не знали, а послепослезавтра ты уже никто. Очередная жертва интернета. И никого особенно не волнует, что на самом деле произошло.

— Что мне делать? — прошептала я.

— Для начала мы заберём ваши устройства на проверку, — ответил специалист. Телефон, ноутбук, планшет. Всё, что может быть связано с вашими аккаунтами.

— Отлично, — пробормотала я. — Просто прекрасно.

Он кивнул, словно не заметил сарказма.

— И ещё нам нужно понять, кто мог это сделать.

Я подняла на него глаза.

— Кто-то, кто мог желать вам зла. Конфликты в последнее время, бывшие сотрудники, партнёры, знакомые?

Я несколько секунд просто смотрела на него, а затем нервно рассмеялась.

— Кто мог желать мне зла? — я обвела рукой комнату. — Даже не знаю. Бесконечность, помноженная на восемь миллионов?

Оливия тихо фыркнула, но специалист не улыбнулся.

— Я серьёзно, Джоселин.

— Я тоже. Вы знаете, сколько людей пишут мне гадости за неделю? Кто-то ненавидит меня за рекламу. Кто-то за политику, хотя я вообще стараюсь не говорить о политике. Кто-то за то, что я слишком худая, слишком толстая, слишком красивая, слишком некрасивая, накрашенная или, наоборот, недостаточно красивая без макияжа.

— Мы говорим не о комментариях. Возможно, были угрозы?

Я хотела ответить сразу. Конечно были, каждый день кто-то так или иначе накидывал негатива. Интернет это идеальное место для слива агрессии и неудовлетворенности своей жизнью. Именно это я и собиралась сказать, но слова почему-то застряли в горле.

Я медленно повернулась к нему.

— Какие угрозы?

Специалист чуть нахмурился.

— Не знаю. Повторяющиеся. Личные. Может быть, от одного и того же человека. Такие, которые бы выбивались из общего потока.

И вот тогда я замерла.

— Джосс? — Оливия заметила это первой.

Я прижала обе руки к губам в тревожном жесте.

— Вообще-то... — начала я и тут же замолчала. — Был один человек...

Специалист перестал печатать.

— Он писал вам?

Я медленно кивнула. — Иногда.

— Как часто?

— По-разному. Он появился давно, один из первых моих подписчиков, со временем я даже начала узнавать его по нику.

— Тот самый, который странный? — спросила Оливия.

Я бросила на неё быстрый взгляд.

— Да. Но он... не всегда был странным. — если бы он с самого начала писал только негатив, я бы давно его заблокировала и забыла.

— Иногда его сообщения были настолько нормальными, что я ловила себя на том, что отвечаю, а потом, совершенно без всякой причины, он мог написать что-нибудь такое, после чего мне хотелось несколько раз проверить, точно ли закрыта дверь.

— Например? — спросил специалист.

Я помолчала.

— Он мог написать, что я забыла выключить свет на кухне. Или что мне пора поменять лампочку в коридоре. Или, например, чтобы я больше не встречалась с тем или иным человеком.

Специалист нахмурился.

— Он знал, где вы живёте?

— Нет. — я ответила слишком быстро. — Не знаю. Надеюсь, нет.

В комнате стало тихо.

— Джосс... Это звучит... тревожно. — Оливия села на пуфик, шокированная услышанным. Я рассказывала ей о нем и раньше, но никогда в таких подробностях.

— Вы можете показать нам переписку? — специалист нарушил групповое молчание.

— Он всегда писал мне в Instagram. Переписка исчезла вместе с аккаунтом, — тихо сказала я.

— То есть сейчас у вас не осталось ни одного сообщения от него? — он посмотрел на меня внимательнее.

Мне вдруг стало не по себе.

— Да. — прозвучало очень неуверенно.

— О чем были его последние сообщения?

— Я... не знаю. В последнее время так много всего происходило. Я не помню.

— А точное название его ника?

— Да, *@follower0812*

— Хорошо, мы с этим разберемся, пожалуйста, не переживайте и не предпринимайте никаких действий самостоятельно. Мы с вами свяжемся. — он поднялся со стула.

— Вы думаете, это он? — нервно спросила я, прикусив губу.

— Трудно сказать, — наконец произнёс он. — Сейчас у нас слишком мало информации.

Он взял со стола телефон и посмотрел на экран.

— Нужно ждать. Если это обычный взлом с целью выкупа, они скоро дадут о себе знать. Обычно в таких случаях преступники сами выходят на связь.

Он сделал паузу.

— Но если это действительно ваш сталкер... — он не договорил.

Мой... кто?!

Специалист посмотрел на меня.

— Тогда всё может быть гораздо сложнее и нужно будет обратиться в полицию.

К вечеру, когда все уже начали расходиться и захлопнулась дверь за последним гостем, я с головой погрузилась в пучину собственных размышлений. Что, если это действительно был он? Я столько лет воспринимала его просто как одного из своих подписчиков. Чуть-чокнутого.

Фанатичного. Иногда навязчивого. Но всё-таки подписчика. Я никогда не воспринимала его всерьёз, даже когда он писал вещи, от которых мне становилось не по себе. Я убеждала себя, что за экраном просто сидит еще один одинокий человек, просто очередной странный парень в интернете, который пишет комментарии всем подряд. Но теперь я впервые позволила себе подумать о другом:

Что, если за этим ником скрывался человек, которому было нужно от меня совсем не то, что я думала?

Что, если за этим аккаунтом всё это время был кто-то совсем другой?

Кто-то, кто никогда не смотрел на меня, как на кумира, кто-то, кто просто хотел, чтобы я поверила, что он мой фанат.

И впервые за десять лет публичности мне стало страшно от того, насколько много этот человек мог узнать обо мне из моего же блога.

И не только из моего блога...

Я прошла в спальню и только успела сесть на край кровати, как в дверь позвонили.

Кажется, Алекс оставила на кухне папку с документами.

— Чёрт.

Наверное, вернулась.

Я даже не стала смотреть в глазок, подошла к двери и открыла. На пороге стоял незнакомый мужчина в форме службы доставки и держал в руках огромный букет.

Настолько огромный, что из-за него почти не было видно его самого.

Я застыла.

— Джоселин Риверс?

— Да.

Он улыбнулся и немного приподнял букет.

— Это вам.

Я машинально посмотрела на цветы.

Мои любимые белые лилии.

— От кого?

Мужчина заглянул в свой телефон.

— Здесь указано... — он провёл пальцем по экрану. — От вашего подписчика.

Я крепче схватила ручку двери.

— Моего... подписчика?

— Да.

Он снова улыбнулся, совершенно спокойно, будто доставлял обычный заказ.

— Пожалуйста, распишитесь о получении.

Я не двигалась.

— А кто отправитель? — кажется, я сказала это слишком враждебно для женщины, который доставили цветы, а не гранату.

— Написано «от вашего подписчика». — он снова поднял голову и протянул мне телефон для подписи.

Я посмотрела на букет.

Лилии были свежими. На некоторых лепестках ещё блестели капли воды. Их было, наверное, штук тридцать, если не больше.

Я знала, к чему был этот жест. Когда-то давно, ещё в студенчестве, я выложила сторис из цветочного магазина моей подруги, где заявила, что если когда-нибудь и решу выйти замуж за мужчину, то это будет только тот, кто подарит мне белые лилии.

Потом я забыла об этой сторис.

Похоже, кто-то — нет.

— Мисс Риверс?

Я наконец поставила подпись, и мужчина отдал мне букет. — Хорошего вечера.
— Спасибо.

Я поспешила закрыть дверь. Находиться рядом с незнакомцами больше не казалось опасным, даже в таком хорошо охраняемом доме.

Я медленно поставила букет на пол. Сверху лежала маленькая белая карточка.
Я смотрела на неё несколько секунд, прежде чем решилась перевернуть.

Восемь миллионов смотрят на тебя.

Кто-нибудь из них знает тебя так, как я?

Телефон на столе вдруг завибрировал, напугав меня.

Сообщение от Оливии.

Я дома.

Я медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к стене. Страх так сковал мои легкие, что несколько секунд я не могла заставить себя даже пошевелиться. И только тогда заметила ещё одну деталь: на карточке не было даты, не было номера заказа, не было имени отправителя. Только одна маленькая цифра в самом нижнем углу.

0812.

Глава 2

— Оливия, срочно приезжай! — Я кричала так громко, что сама едва слышала собственный голос.

— Джосс? Что случилось?

— Он здесь! Он сейчас здесь! Господи, Лив, приезжай, пожалуйста! Он меня прикончит!

— Кто?!

— Он! Этот *подписчик*!

Я метнулась к двери и снова проверила замок. Потом ещё раз подергала ручку, хотя прекрасно видела, что она заперта.

— Джосс, успокойся. Где ты?

— Дома!

— Ты одна?

— Да! То есть нет... то есть теперь одна! Все ушли, а он прислал мне цветы!

— Какие цветы?

Я обернулась на букет, стоявший посреди прихожей.

— Белые лилии! Он знает, что я люблю белые лилии! И здесь его цифры, Лив! 0812! Он оставил свой номер!

— Джосс, это может быть...

Я чувствовала, как меня начинает трясти.

— Он знает, где я живу. Он прислал их прямо сюда. Прямо ко мне домой. Он знает мой адрес, Лив!

— Хорошо. Я сейчас приеду.

— Пожалуйста Лив.

— Я еду. Закрой все двери и никому не открывай. — она отключилась, а я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Я сидела, неотрывно смотря на закрытую дверь, и с замирающим сердцем прислушивалась к тому, что происходит в подъезде. Мне вдруг показалось, что кто-то медленно подергал ручку двери. Я задержала дыхание.

Оливия приехала меньше, чем через тридцать минут.

Когда в дверь снова позвонили, я едва не закричала.

— Джосс, это я! — услышала я из-за двери.

Я подбежала к глазку.

Она едва успела войти, как я вцепилась в неё обеими руками.

— Он знает, где я живу, Лив. Он знает! Он прислал мне цветы. Мои цветы. Мои любимые. Он знает, где я живу, он знает, что я люблю, он... — я начала заикаться.

Я говорила слишком быстро, слова путались, дыхание сбивалось.

— Джосс, посмотри на меня. — я не слушала.

— А если он следил за мной? А если он сейчас где-то здесь? А если он...

— Джосс.

Оливия взяла меня за плечи и заставила посмотреть ей в глаза.

— Дыши.

Я судорожно вдохнула.

— Ещё раз.

Она несколько секунд просто держала меня за плечи, пока дрожь немного не отступила.

— Ты сейчас в истерике, — тихо сказала она. — И я понимаю почему. Но пока мы не знаем, что произошло, мы не будем паниковать раньше времени.

— Он оставил записку. — я косо посмотрела на букет в коридоре.

Оливия проследила за моим взглядом.

— Хорошо, тогда сначала проверим букет. — она сняла пальто, положила сумку на консоль и подошла к цветам.

— Ты к нему после доставки не прикасалась?

Я покачала головой. Она присела рядом с букетом и осторожно взяла его за упаковку. Она медленно повернула букет в руках, осмотрела упаковочную бумагу, ленту, карточку. Затем заглянула между стеблей.

— Лив...

— Молчи секунду.

Она внимательно осматривала каждый элемент, развязывая ленту. Я стояла рядом, скрестив руки на груди.

— Ты думаешь, там может быть камера?

— Может.

— Или микрофон?

— Может.

— Или...

— Джосс, если ты сейчас назовёшь мне ещё пять способов, как в букете может быть спрятано что-нибудь ужасное, я начну нервничать сама.

— Извини.

Она сняла упаковку, проверила карточку с обеих сторон. Провела пальцами по ленте. Потом начала разбирать сам букет. Одна лилия. Вторая. Третья. Она заглянула внутрь каждого цветка, проверила стебли, основание букета, упаковочную бумагу.

— Ничего.

— Точно?

Через несколько минут весь букет уже лежал разобранным на столе.

— Здесь нет ни камеры, ни диктофона, ни трекера.

Я неотрывно смотрела на белые лепестки.

— Но как он узнал?

Оливия пожала плечами. — Интернет помнит всё.

Я нахмурилась.

— Я выкладывала много лет назад. Про лилии.

— Вот видишь, не всё так страшно. Ты себя накрутила. — она была слишком спокойной. Конечно, это ведь не её кошмарит какой-то фрик.

Оливия поставила вазу подальше от меня и достала из сумки маленький флакон.

— А теперь тебе нужно успокоиться.

— Что это? — она потрясла прозрачный бутылек.

— То, что поможет тебе перестать трястись. — она накапала несколько капель в стакан воды и протянула мне.

Я сделала несколько глотков и прикрыла глаза.

— Я правда испугалась. — призналась я ей.

— Я знаю.

— Мне показалось, что кто-то трогал ручку двери. — сказала почти по-детски.

— У тебя был тяжелый день. — она мягко погладила меня по голове.

Когда я проснулась, Оливии уже не было в спальне. Несколько секунд я лежала неподвижно, глядя в потолок и пытаюсь понять, почему чувствую себя так, словно по мне прокатился бульдозер.

Я резко села в кровати.

— Лив?

— Я здесь. — её голос донёсся из гостиной.

Оливия сидела на диване, поджав под себя ноги, с чашкой кофе в одной руке и телефоном в другой. Она подняла на меня глаза, когда я появилась в дверях.

— Доброе утро, — сказала она. — И, прежде чем ты начнёшь паниковать, у меня есть новости.

Я остановилась.

— Какие?

Она несколько секунд смотрела на меня, будто решая, как именно это сказать, затем протянула телефон.

— Наши хакеры вышли на связь.

Я почувствовала, как внутри всё мгновенно напряглось. На экране было открыто видео. Чёрный фон, группа мужчин в масках. В центре экрана появился логотип.

DIAMONDS.

Я села рядом с Оливией, и она нажала на воспроизведение.

Голос был изменён настолько, что невозможно было определить ни возраст, ни пол говорящего.

— *Группа Diamonds берёт на себя ответственность за получение доступа к цифровым ресурсам Джоселин Риверс.*

Я замерла.

На экране один за другим начали появляться мои аккаунты, страницы сайта, рекламные кампании, ссылки на интервью. Всё то, что ещё вчера исчезало у меня на глазах.

— *Мы готовы вернуть полный доступ к ресурсам после выполнения наших требований.*

На экране появилась следующая надпись.

\$1 000 000.

Я несколько секунд смотрела на неё, не понимая.

— Они хотят СКОЛЬКО?!

Оливия поджала губы.

Я медленно поднялась с дивана и прошла по гостиной, чувствуя, как злость постепенно вытесняет вчерашний страх.

Один миллион долларов!

За то, что принадлежит мне.

— Они серьёзно?

Оливия поставила чашку на стол.

— К сожалению.

— Они уничтожили мой аккаунт, удалили сайт, добрались до рекламных кампаний, а теперь хотят, чтобы я заплатила им миллион за возможность вернуть собственную жизнь?

— Судя по всему, именно такой у них план.

Я нервно рассмеялась.

— Да за миллион я сама на улицу выйду стриптиз станцюю. — Оливия улыбнулась.

Станным образом мне становилось легче. Хотя проблема и не исчезла, и у меня по-прежнему не было аккаунта и неизвестно, удастся ли восстановить удалённые материалы, мне становилось легче, потому что теперь у происходящего хотя бы появилось объяснение.

Хакеры.

Деньги.

Вымогательство.

Это было ужасно, но хотя бы понятно.

Я повернулась к Оливии.

— Значит, букет тоже мог быть их рук дело.

Она нахмурилась.

— Ты думаешь?

— Они получили доступ ко всему. К моим перепискам, архивам, старым сообщениям. Они могли найти его ник.

Я вспомнила карточку.

Восемь миллионов смотрят на тебя.

Кто-нибудь из них знает тебя так, как я?

Вчера эта фраза казалась мне доказательством того, что человек, которого я годами считала просто странным подписчиком, действительно охотится на меня где-то рядом. Теперь она выглядела иначе. Как часть хорошо продуманной игры: они хотели напугать меня. Хотели, чтобы я поверила, будто за происходящим стоит не просто группа хакеров, а человек, который наблюдает за мной годами.

Потому что испуганный человек заплатит гораздо быстрее.

— Они специально всё это устроили, — сказала я. — Хотели, чтобы я решила, что это крипи сталкер.

Оливия ничего не ответила.

— Давай читаем комментарии. — я снова села рядом с ней.

Под публикацией уже были десятки тысяч комментариев.

ДЖОСС, НЕ ПЛАТИ ИМ.

СОЗДАВАЙ НОВЫЙ АККАУНТ, МЫ ВСЕ ПОДПИШЕМСЯ.

ОНА ВЕРНЁТ МИЛЛИОН ЗА НЕДЕЛЮ.

НЕ ОТДАВАЙ ИМ НИ ЦЕНТА.

МЫ ТЕБЯ НАЙДЁМ ГДЕ УГОДНО.

Последнее сообщение почему-то заставило меня задержать взгляд чуть дольше остальных. Я отмахнулась от неприятного ощущения. После вчерашнего я, кажется, была готова искать скрытый смысл даже в меню доставки.

— Сколько там комментариев?

— Уже больше пятидесяти тысяч.

Я посмотрела на Оливию.

— Они все ждут, что я появлюсь.

Она улыбнулась.

Возможно, эти убления действительно рассчитывали на то, что я испугаюсь, что буду сидеть дома и ждать, пока они решат мою судьбу. Но они забыли одну важную вещь.

Я умела привлекать внимание.

И прямо сейчас внимание всего интернета было приковано ко мне.

— Мы создаём новый аккаунт, — твёрдо сказала я.

Оливия подняла на меня взгляд.

— Ты уверена?

Я посмотрела на экран, где всё ещё стояла сумма выкупа.

\$1 000 000.

А потом снова перевела взгляд на комментарии.

— Абсолютно.

Я забрала у неё телефон.

— Если Diamonds думают, что я отдам им миллион долларов, они очень плохо изучили человека, которого решили ограбить.

Через шесть часов я сидела на полу в гостиной, окружённая чашками из-под кофе, зарядками, двумя телефонами и Оливией, которая уже второй раз за последние десять минут обновляла страницу моего нового аккаунта.

— Девятьсот тысяч. — я подняла на неё глаза. — Девятьсот тысяч подписчиков за шесть часов. — она покачала головой.

Несколько секунд я просто смотрела на цифру.

903 417 подписчиков.

Число продолжало расти прямо у меня на глазах.

903 801.

904 126.

904 593.

— Ты попадёшь в книгу рекордов Instagram, Джосс. — Оливия рассмеялась.

Я почувствовала, как внутри расцветает эйфория. За последние сутки я успела пережить столько всего, что уже перестала понимать, какая именно эмоция должна была появиться следующей. Страх сменялся злостью, злость — паникой, паника — усталостью.

Но сейчас я чувствовала только облегчение.

— Девятьсот тысяч, — повторила я.

— И это ещё не вечер.

Я посмотрела на неё.

— Утютю, пользователь не найден, - я передразнила, насмешливо мотая головой. Оливия взорвалась от смеха над моим движением, и через несколько секунд мы уже сидели на полу и смеялись так, словно ничего страшного никогда не происходило.

— Мы идём праздновать. — уверено заявила я.

— Ладно, — сказала она. — Но если ты начнёшь проверять статистику прямо на танц-поле, я заберу у тебя телефон.

— Договорились. — я вскочила, скидывая с себя домашние штаны.

— Я хочу выглядеть на миллион!

Через два часа моя спальня выглядела так, словно по ней прошёл небольшой, но очень хорошо одетый ураган.

На кровати лежали платья. На полу — туфли. Оливия сидела в кресле и с выражением крайнего страдания смотрела, как я в третий раз меняю серьги.

— Ты понимаешь, что мы собираемся просто выпить с друзьями?

— Нет. Я праздную своё возвращение.

В конце концов я остановила выбор на коротком розовом платье, полностью покрытом блестками. Волосы я собрала в небрежный высокий хвост, оставив несколько прядей у лица. Что-то между тщательно продуманной небрежностью и Памелой Андерсон в девяностых.

Я посмотрела на себя в зеркало.

— Ну? — я покрутилась перед Оливией.

Оливия подняла палец вверх.

— Выглядишь на миллион двести.

Клуб был переполнен настолько, что уже у входа нас подхватило человеческое течение и понесло в сторону танцпола. Музыка была из колонок тяжёлыми басами, вибрировала под рёбрами и постепенно вытесняла из головы всё, о чём я предпочла бы сегодня не вспоминать.

За нашим столиком уже собрались друзья. Кто-то сразу поднял бокал, кто-то обнял меня, едва я успела снять пальто, а Алекс, перекивая музыку, протянула мне мой любимый коктейль.

— За миллион! — ребята хором повторяли друг за другом.

Я сделала глоток, почувствовав знакомую горечь алкоголя, и впервые за последние несколько дней позволила себе расслабиться. Мне хотелось хотя бы на один вечер снова почувствовать себя обычной Джосс. Я допила коктейль, почти не заметив этого и, когда музыка сменилась, поднялась из-за стола. Мне срочно нужно было вытрясти стресс из своего организма танцами.

— Я на танцпол.

Оливия что-то крикнула мне вслед, но её слова утонули в музыке.

В зале было жарко. Тела сталкивались, скользили мимо друг друга, смеялись, двигались в такт музыке, и вскоре я перестала замечать отдельных людей, растворившись в общем ритме. Свет время от времени выхватывал из темноты лица, превращая их в короткие вспышки чужой жизни.

Именно тогда я заметила его.

Он стоял немного в стороне от основной толпы и разговаривал с кем-то, но время от времени смотрел на меня. Кудрявые тёмные волосы, правильные черты лица, высокая фигура и та безупречная, почти нарочито модельная внешность, которую невозможно было не заметить в любом помещении.

Наши взгляды встретились, и я задержала взгляд чуть дольше, чем следовало.

Он улыбнулся и между нами началась та самая бессловесная игра, которой иногда бывает достаточно, чтобы вечер внезапно приобрёл совершенно другое настроение. Мы то теряли друг друга в толпе, то снова находили глазами, и каждый раз на его губах появлялась едва заметная улыбка.

Когда музыка стала плотнее и ритм сменился, я почувствовала, как кто-то подошёл сзади.

Мужчина оказался настолько близко, что я ощутила тепло его тела прежде, чем почувствовала прикосновение. Твёрдая грудь прижалась к моей спине, а ладонь легла мне на живот, уверенно обхватывая талию.

Я не обернулась. В свете мелькающих прожекторов мне показалось, что это кудряш наконец решил сделать первый шаг и расслабилась. Музыка продолжала вести нас, и я стала двигаться вместе с мужчиной за своей спиной, постепенно сокращая и без того небольшое расстояние между нами. Его ладонь скользила по моему животу, а дыхание время от времени касалось кожи возле уха.

Я чувствовала себя желанной, и после всего, что происходило со мной в последние дни, это ощущение оказалось почти опьяняющим.

Он наклонился к моей шее, и я почувствовала влажное прикосновение языка к коже. По телу прошла горячая волна, заставившая меня на мгновение прикрыть глаза.

Я сама подалась назад, прижимаясь к нему теснее, и продолжила двигаться под музыку, уже не пытаясь скрыть собственное возбуждение.

Я повернула голову, собираясь наконец рассмотреть его лицо, но в этот момент он еще сильнее прижал меня к себе спиной и прошептал:

— Я принесу тебе напиток.

Я успела только улыбнуться и кивнуть. Через несколько секунд его уже не было.

Сначала я не придавала этому значения. Толпа вокруг была слишком плотной, музыка слишком громкой, а свет постоянно менял направление, поэтому я решила, что он просто отошёл к бару. Я ещё немного потанцевала, а затем вернулась к друзьям. Только устроившись за столиком я поймала себя на том, что продолжаю искать его глазами.

Кудрявого парня нигде не было. Я несколько раз посмотрела в сторону танцпола, надеясь заметить знакомое лицо среди толпы, и только тогда увидела его — он стоял в нескольких метрах от меня и разговаривал с друзьями.

Один. Он даже не смотрел в мою сторону.

Я нахмурилась.

Внутри появилось странное, неприятное ощущение, будто какая-то деталь в происходящем не складывалась, хотя я пока не могла понять какая.

— Потеряла кого-то? — спросила Алекс.

— Кажется, да.

Я снова посмотрела на танцпол.

В этот момент к нашему столику подошёл официант. В руках он держал бокал.

— Мисс Риверс?

Я подняла голову.

— Да?

Он поставил напиток передо мной.

— Это вам. — официант положил рядом с бокалом небольшую сложенную записку и ушёл, прежде чем я успела спросить, от кого она.

Несколько секунд я просто смотрела на белый прямоугольник бумаги, а затем осторожно его развернула.

Diamonds лгут.

И немного ниже:

Новый аккаунт не спасёт тебя от меня

Осознание произошедшего внезапно обрушилось на меня.

Чужая ладонь на моём животе, тяжёлое, мускулистое тело за спиной, горячий поцелуй в шею и голос, который я даже не попыталась запомнить.

Мой взгляд сам собой метнулся к танцполу. Кудрявый парень всё ещё стоял там.

Он никуда не уходил.

И он похож... не танцевал со мной.

Я огляделась вокруг в поиске своих друзей и машинально достала телефон, чтобы позвонить Оливии. Рядом со значком Инстаграм висело девятьсот новых уведомлений, и я по привычке нажала, чтобы посмотреть, сколько людей подписалось на новый аккаунт.

На секунду перед глазами мелькнула лента рекомендаций, прежде чем я снова увидела ту же злосчастную надпись.

Пользователь не найден.

Офицер, принимавший заявление, листал бумаги, время от времени задавая уточняющие вопросы. Я рассказала ему всё с самого начала: исчезновение аккаунтов, взлом, сообщения от неизвестного, цветы, которые мне прислали домой, а затем записку, оставленную в клубе.

Когда я закончила, он положил ручку рядом с блокнотом и посмотрел на меня поверх очков.

— Вы знаете, кто это может быть?

— Нет.

— Никогда раньше его не видели?

Я замешкалась.

— Я видела мужчину возле клуба. До этого мне несколько раз казалось, что за мной наблюдают, но я не могла бы утверждать, что это был один и тот же человек.

Офицер несколько секунд молчал, после чего осторожно произнёс:

— По тому, что вы описываете, это действительно похоже на поведение *сталкера*.

Само слово неприятно легло между нами.

Я до этого воспринимала его скорее как определение из статей, которые читала ночью, пытаюсь понять, с чем столкнулась. Теперь оно прозвучало официально и оттого стало гораздо реальнее.

— И что вы можете сделать?

Он поджал губы.

— Пока мы не знаем, кто этот человек, наши возможности довольно ограничены.

— Он взламывает мои аккаунты, присылает мне цветы, появляется рядом со мной и оставляет записки, а вы ничего не можете сделать?

— Я не сказал, что мы ничего не можем сделать. Ваше заявление будет зарегистрировано, материалы передадут специалистам, а цифровые следы, которые удастся обнаружить, будут проверяться. Но для конкретных мер нам необходимо установить его личность.

Я опустила взгляд на свои руки.

— То есть мне просто ждать, пока он ошибётся?

— Я бы не советовал вам ждать.

Он немного помолчал, подбирая слова.

— Я бы советовал вам на некоторое время сменить обстановку.

Я подняла глаза.

— Уехать?

— Да. Если это действительно сталкер, то довольно часто такие люди особенно привязаны к территории, на которой привыкли наблюдать за своей жертвой. Он знает ваши привычные места, ваш дом, ваш распорядок. Если вы исчезнете из этой среды, ему станет значительно сложнее вас отслеживать.

— А если он поедет за мной?

— Такое возможно, но вероятность ниже, чем если вы останетесь здесь. Особенно если он пока действует преимущественно через наблюдение и контроль.

Я задумалась.

Впервые за последние дни передо мной появился вариант, который не требовал от меня сидеть в собственной квартире с закрытыми шторами и прислушиваться к каждому звуку за дверью.

— У меня вообще-то должна была быть поездка в Италию, — сказала я после паузы.

Офицер заинтересованно посмотрел на меня.

— Должна была?

— Рекламная кампания. Тур по нескольким городам, съёмки, мероприятия. Я собиралась уехать почти на месяц.

— И что помешало?

Я невесело усмехнулась.

— Мой аккаунт.

Он не сразу понял.

— Из-за взлома?

— Из-за того, что после взлома от меня ничего не осталось в интернете. Рекламодатели не захотели рисковать и отменили кампанию. Формально я должна была ехать как инфлюенсер, но без аккаунта я для них...неинтересна.

Офицер слегка поджал губы, посмотрел на бумаги перед собой и снова поднял на меня глаза.

— В таком случае я бы всё равно рекомендовал вам уехать хотя бы на некоторое время. — Смените город. Не сообщайте никому, куда именно собираетесь, не публикуйте фотографии в реальном времени и постарайтесь не оставлять цифровых следов своего маршрута.

Я кивнула, хотя внутри уже начинало формироваться странное, почти непривычное ощущение. Возможно, уехать действительно было единственным разумным решением.

Офицер закрыл папку с моим заявлением.

— На данный момент это всё, что я могу вам посоветовать: сменить обстановку и дать нам время установить его личность.

Я поднялась со стула, забрала сумку и уже собиралась поблагодарить его, когда он вдруг улыбнулся.

— Кстати, если вы не против...

Я остановилась.

— Да?

Он немного смутился, а затем достал телефон.

— Моя дочь на вас подписана. Можно с вами сфотографироваться?

Несколько секунд я просто смотрела на него. После всего, что я только что рассказала, просьба казалась настолько неуместной, что я даже не нашла в себе силы улыбнуться.

Человек только что записал моё заявление о преследовании, выслушал, как неизвестный взламывает мои аккаунты и появляется рядом со мной, а теперь хотел фотографию. Я всё-таки встала рядом с ним и улыбнулась в камеру.

Даже в полицейском участке я оставалась для окружающих просто популярной девушкой с миллионами подписчиков. И я впервые за долгое время не была уверена, что хочу, чтобы меня вообще кто-либо видел.

Из полицейского участка я вышла ближе к полудню.

Солнце уже поднялось высоко, отражаясь от стеклянных фасадов небоскрёбов и рассыпая по тротуарам ослепительные блики. Город жил своей привычной жизнью: такси скользили между перекрёстками, люди торопились на работу, кто-то разговаривал по телефону, кто-то смеялся, прижимая к груди бумажный стаканчик с кофе.

Я медленно пошла вдоль улицы, сама не особенно понимая, куда направляюсь.

После нескольких часов в полицейском участке мне хотелось просто идти, не возвращаясь домой и не заставляя себя снова переступать порог квартиры, где теперь каждый угол казался слишком опасным, а каждый звук — потенциальной угрозой.

Я подняла голову.

Высокие здания уходили вверх, теряясь в голубом небе, и на мгновение Нью-Йорк снова показался мне тем городом, который я когда-то полюбила. Огромным, шумным и равнодушным к чужим проблемам.

И именно эта его равнодушность всегда давала мне ощущение свободы. Здесь можно было исчезнуть среди миллионов людей. По крайней мере, раньше я в это верила.

На очередном перекрёстке я заметила небольшую кофейню и решила зайти внутрь. Мне хотелось чего-нибудь горячего, чтобы хотя бы на несколько минут остановить бесконечный поток мыслей.

Я уже потянулась к двери, когда телефон в кармане завибрировал.

Сообщение с неизвестного номера.

Ты долго.

Палец завис над экраном.

Телефон снова завибрировал.

Кажется, он просто тянул время, чтобы попросить фото.

Я подняла голову и огляделась. Люди продолжали идти мимо меня, совершенно не обращая на меня никакого внимания. Мужчина в костюме говорил по телефону, пожилая женщина стояла у витрины, разглядывая меню, а двое студентов смеялись, толкая друг друга плечами.

Никто не смотрел на меня, и никто не выглядел подозрительно. Я медленно повернулась, пытаясь заметить среди прохожих знакомое лицо, но увидела только бесконечный поток людей, машин и отражений в стеклянных витринах.

Телефон снова завибрировал.

Возвращайся домой, Джосс. В этом районе небезопасно.

Да, из-за тебя.

Я буду присматривать за тобой.

Я ещё раз посмотрела на людей вокруг, пытаясь понять, кто из них мог наблюдать за мной, но каждый занимался своей жизнью.

И от этого становилось только страшнее, потому что среди сотен совершенно обычных людей вполне мог находиться тот, кто смотрел именно на меня.

Я выдохнула и нажала *заблокировать*.

Глава 3

Я начала собирать вещи с совершенно ясным намерением взять только самое необходимое, но уже через двадцать минут моя кровать была завалена одеждой, косметикой, зарядными устройствами и несколькими парами обуви, которые никак не соответствовали определению «самое необходимое».

Я стояла посреди спальни, держа в руках очередной свитер, и пыталась решить, действительно ли он мне нужен, хотя прекрасно понимала, что проблема была вовсе не в свитере.

Мне просто нужно было чем-нибудь занять руки.

Если я продолжала складывать вещи, перекладывать их из одной стопки в другую, открывать шкафы и проверять содержимое ящиков, у меня оставалась хотя бы иллюзия контроля над происходящим. В противном случае мысли снова возвращались к *нему*.

К человеку, которого я никогда не видела. Я знала, что он наблюдает за мной. Знала, что умеет проникать в мои аккаунты, смотреть на меня через камеры на моих устройствах, которые, к слову, сейчас были заклеены плотным слоем скотчем, знает мои маршруты, мои привычки, мои любимые вещи и даже способен появиться рядом со мной так, что я сама не замечу его присутствия.

Но я не знала даже его лица.

Иногда я пыталась представить его. Наверное, это была самая нелепая часть моих размышлений, потому что мой мозг упрямо отказывался рисовать чудовище. Я не представляла себе человека с пустыми глазами, неопрятной одеждой и лицом, которое хотелось бы забыть сразу после встречи.

Наоборот, после клуба я представляла его совершенно иначе.

Он мог сидеть за соседним столиком в кофейне, проходить мимо меня на улице, стоять в очереди в магазине или ехать в вагоне метро, пока я даже не поднимала на него глаз. Возможно, у него была нормальная работа, квартира, друзья, привычка покупать один и тот же кофе по дороге в офис. Возможно, вечером он возвращался домой, снимал куртку, включал телевизор и выглядел человеком, которого никто никогда не заподозрил бы в том, что он способен годами наблюдать за одной женщиной.

И чем дольше я об этом думала, тем неприятнее становилось. Я положила свитер в чемодан и застегнула молнию на боковом кармане.

Почему именно я?

Этот вопрос возвращался снова и снова, каким бы бессмысленным я ни считала его.

Да, я была публичной личностью. Миллионы людей ежедневно смотрели мои фотографии, видео, сторис, прямые эфиры. Они знали, что я ем, куда хожу, какие платья покупаю, с кем встречаюсь, какие места люблю и в каком отеле остановилась во время последней поездки. Я сама годами рассказывала им всё.

И всё же среди этих миллионов нашёлся человек, которому оказалось мало того, что я показывала сама. Он же хотел то видеть то, что оставалось за пределами камеры.

Именно это пугало меня сильнее всего.

Я привыкла к поклонникам. Привыкла к мужчинам, которые писали мне о любви после одного снимка, к людям, которые говорили, что знают меня, потому что следили за моей жизнью через интернет.

Но они знали популярную девушку из интернета Джоселин Риверс.

Он же, кажется, был намерен знать меня настоящую. Хоть и против моей воли.

Я села на край кровати и посмотрела на телефон, лежавший рядом.

Несколько секунд я просто смотрела на чёрный экран, прекрасно понимая, что не должна брать его в руки.

Никаких новых сообщений.

Я почувствовала одновременно облегчение и странное разочарование, которое тут же попыталась от себя отогнать.

Страх вообще устроен у людей отвратительно: он заставляет нас постоянно думать о том, чего мы хотим избежать, и вот мы проверяем, не вернулось ли оно, прислушиваемся, не приближается ли оно, — и сами того не замечая, удерживаем его в центре своего сознания.

Я открыла заметки и машинально посмотрела на список вещей, которые собиралась взять с собой.

Паспорт.

Документы.

Зарядки.

Ноутбук.

Несколько платяев.

Косметика.

Ключи от родительского дома.

Я задержала взгляд на последнем пункте.

Ключи от дома. Я почти десять лет не была там. За это время я успела переехать в Нью-Йорк, закончить университет, построить карьеру, стать человеком, которого узнавали на улицах, купить квартиру, заработать деньги, потерять друзей, обрести новых и превратить собственную жизнь в бесконечную ленту фотографий и видео. А теперь, спустя десять лет, я собиралась вернуться туда из-за человека, которого даже не знала.

Я усмехнулась собственным мыслям.

Если бы кто-нибудь сказал мне неделю назад, что какой-то неизвестный сталкер заставит меня бросить Нью-Йорк и отправиться обратно в город, из которого я когда-то мечтала бежать, я бы решила, что этот человек сошёл с ума.

Но вот она я сидела посреди своей спальни и действительно собиралась туда ехать. Причём, впервые эта поездка не казалась мне наказанием.

После Нью-Йорка родной город представлялся почти безопасным убежищем. Там не было бесконечного потока людей, в котором можно было исчезнуть, но и не было миллионов камер, журналистов, случайных знакомых и тех, кто ежедневно следил за моей жизнью.

Там меня знали не как Джоселин Риверс с восемью миллионами подписчиков. Там я была просто Джосс, девочкой, которая когда-то жила в соседнем доме, ходила в школу по одной и той же дороге и мечтала однажды уехать как можно дальше.

Я поднялась с кровати и подошла к шкафу.

— Ты собираешься брать с собой весь дом? — Оливия стояла в дверях, скрестив руки на груди, и с откровенным неодобрением рассматривала содержимое моего чемодана.

— Я не знаю, на сколько там останусь.

Я снова повернулась к шкафу.

— Я ещё собираюсь заняться домом.

— Тем самым родительским домом, который ты загадывала продать на каждое Рождество?

— Именно.

— Тогда понятно, почему ты взяла три пары туфель.

Я посмотрела на неё через плечо.

— Туфли не имеют отношения к дому.

— Разумеется. Они имеют отношение к Шону.

Я замерла и Оливия расплылась в совершенно невинной улыбке.

— Даже не начинай.

— Я ничего не сказала.

Она вошла в спальню и присела на край кровати, вытянув ноги.

— Я просто подумала, что будет забавно посмотреть, что произойдёт, когда ты снова его увидишь.

Я повернулась к ней.

— Мне было семнадцать, когда мы виделись последний раз. Это в прошлом. — я отмахнулась.

— Я просто говорю, что было бы неплохо увидеть его лицо, когда он поймёт, какой ты стала. — она растопырила пальцы и жестом показала движения большой груди.

Я рассмеялась.

— Он уже видел меня. В интернете.

— Это не считается.

Я закатила глаза.

— Мне всё равно.

— Поэтому ты берешь с собой самое красивое чёрное платье из шкафа?

Я опустила взгляд на платье, лежавшее поверх чемодана.

— Это на всякий случай.

— И ты взяла дорогие туфли.

— Оливия...

— И тот парфюм, который ты обычно носишь на свидания.

Я зажмурилась. Она победно улыбнулась.

— Ты ужасный человек.

— Я твой ассистент, психолог, таролог, врач и иногда бариста. — Оливия рассмеялась и встала с кровати.

— Ладно, я больше не буду тебя мучить.

Она сделала несколько шагов к двери, но перед самым выходом обернулась.

— Хотя если Шон скажет, что всё ещё любит тебя, не говори, что я тебя не предупреждала.

Несмотря на подшучивания Оливии, на самом деле я даже близко не рассматривала вариант сходить с Шоном. Хоть у нас и была очень долгая история.

Наши дома стояли на одной улице, всего через несколько дворов друг от друга, поэтому в детстве мы постоянно сталкивались: по дороге в школу, у магазина на углу, во дворе, где летом собиралась вся наша компания. Сначала он был просто мальчишкой из соседнего дома. Потом мы стали проводить вместе всё больше времени, а где-то между школьными вечерами, долгими прогулками и разговорами до темноты эта дружба незаметно переросла во что-то другое.

К семнадцати годам Шон уже был моим первым настоящим парнем и первой любовью, которую я воспринимала совершенно серьёзно, хотя теперь, оглядываясь назад, иногда удивлялась, как мало я тогда понимала о любви.

Шон всегда был слишком эмоциональным.

Он мог смеяться громче всех, заводиться из-за сущей ерунды и через несколько минут уже спорить так, будто от этого зависела вся его жизнь. Если что-то шло не по его плану, он редко умел просто остановиться и остыть. Он хлопал дверями, швырял телефон на кровать, мог с размаху ударить кулаком по стене или разбить какую-нибудь вещь, а потом, когда ярость проходила, стоять посреди комнаты и выглядеть так, будто сам не до конца понимал, зачем это сделал.

Я привыкла к этому довольно быстро. Мне казалось, что у него просто такой характер: взрывной, импульсивный, темпераментный. Я принимала его ревность за доказательство чувств, его вспышки — за силу характера, а постоянное желание знать, где я нахожусь и с кем провожу время, за то, что ему просто было не всё равно.

Если я задерживалась после школы, он спрашивал, почему так долго, если кто-то из мальчиков разговаривал со мной слишком долго, Шон обязательно устраивал разборки, если я надевала что-то, что ему не нравилось, он мог весь вечер ходить мрачнее тучи, а потом устроить мне разнос, который я тогда почему-то называла обычной ссорой.

Он ревновал меня даже к тем людям, к которым не было никакого смысла ревновать, и временами его ревность становилась настолько давящей, что я начинала заранее продумывать, что ему сказать, чтобы не спровоцировать очередной скандал.

Тогда я была слишком молодой, чтобы понимать, что любовь не должна заставлять тебя постоянно следить за чужим настроением. И всё равно я любила его.

Или, по крайней мере, была уверена, что люблю.

Мы расстались тем летом, когда нам обоим предстояло разъехаться по разным колледжам. Я до сих пор помню тот период: последние тёплые вечера, ощущение, что наша жизнь вот-вот изменится, разговоры о будущем и наивная уверенность, что несколько часов дороги ничего не смогут изменить между нами.

Я думала, что мы справимся. Шон, кажется, тоже так думал, а потом я узнала о Китти. Они поступили в один колледж и их родители часто проводили время вместе. Она была из нашей компании, и я никогда не воспринимала её как соперницу. Мне даже в голову не приходило, что между ними может что-то произойти, пока однажды не увидела её обнажённое фото у него в телефоне.

Глава 4

Самолёт начал снижаться, и за иллюминатором показались знакомые очертания города. Я прижалась лбом к холодному стеклу, пытаюсь разглядеть улицы сквозь серую дымку. Отсюда всё казалось почти таким же, каким осталось в моей памяти: полосы дорог, редкие высоты, тёмные массивы деревьев, знакомая линия пригородов.

Я столько раз представляла себе как снова возвращаюсь в этот город, но ни в одной из фантазий не было ощущения, будто я возвращаюсь не домой, а в собственное прошлое.

Я увидела Мэгги, мою школьную лучшую подругу раньше, чем она заметила меня. Она стояла у выхода из аэропорта, прижимая к груди бумажный стаканчик с кофе и рассеянно скользя взглядом по потоку прибывающих пассажиров. Волосы, которые я помнила длинными и почти всегда собранными в небрежный хвост, теперь едва касались плеч. На лице появились тонкие линии, которых в семнадцать лет не существовало, а вместо огромной школьной сумки через плечо висела дорогая кожаная сумка, слишком элегантная для той девочки, которая когда-то прятала в ней шпаргалки, жвачку и половину содержимого школьного автомата с едой.

Я остановилась в нескольких шагах от неё, не решаясь окликнуть.

В какой-то момент она подняла глаза и увидела меня.

Сначала просто смотрела, словно пыталась совместить женщину перед собой с той девочкой, которую не видела почти десять лет, а потом её лицо расплылось в такой знакомой улыбке, что всё остальное вдруг стало неважным.

— Господи, — выдохнула она.

Она поставила кофе на ближайшую стойку и бросилась ко мне.

— Ты настоящая.

Я рассмеялась, когда она стиснула меня в объятиях.

— К сожалению.

— Дай посмотреть на тебя.

Мэгги отстранилась, положила ладони мне на плечи и внимательно осмотрела с головы до ног, будто собиралась вынести экспертное заключение.

— Ты вообще не изменилась.

— Неправда.

— Ладно, — она прищурилась. — Стала богаче.

Я усмехнулась.

— Это тоже сомнительный комплимент.

— Тогда красивее.

— Уже лучше.

— И выше.

— Я всегда была выше тебя. — я поддела её с улыбкой.

Это была наша излюбленная тема для споров: кто выше и кто станет следующей моделью victoria secret.

— Нет, не была. — она покачала головой, несогласная с моими словами.

— Была была, — я закивала.

Мэгги посмотрела на мои ботильоны на каблучке и понимающе кивнула.

— А, вот в чём секрет.

— Я всё ещё высокая.

— Конечно, Джосс. Если тебе так спокойнее.

Она подхватила ручку моего чемодана, не оставляя мне возможности возразить.

— Пойдём, знаменитость. Я припарковалась настолько далеко, что по дороге успела несколько раз пожалеть о собственном существовании.

Мы направились к выходу, и я почти сразу заметила несколько взглядов в свою сторону. Раньше я бы автоматически улыбнулась, проверила отражение в стекле или хотя бы попыталась понять, узнал ли меня кто-нибудь. Теперь я только сильнее натянула капюшон и пошла рядом с Мэгги.

— Странно, — сказала я, оглядываясь на людей вокруг. — Я совсем забыла, каково это, когда все смотрят друг на друга.

— Подожди пару часов, — усмехнулась она. — Здесь люди узнают о чужой жизни быстрее, чем новости успевают попасть в интернет.

— Ты преувеличиваешь. — я зевнула.

— Я выросла в этом городе. Я знаю его возможности.

— Ага, конечно. — Мэгги открыла рот, собираясь ответить, но потом передумала.

— Ну... Возможно, кто-то уже знает.

— Кто?

Она улыбнулась слишком невинно.

— Ну там Шон, например. — я нахмурилась.

— Мэгги.

— Шучу шучу.

— Ты даже не успела посадить меня из аэропорта.

— А что, по-твоему, он должен был ждать тебя у багажной ленты с табличкой «Добро пожаловать домой, Джосс»?

Я фыркнула.

— Очень смешно.

Она открыла мне дверь машины и бросила мой чемодан в багажник.

— Кстати, если хочешь, я могу сделать вид, что вообще не знаю его имени.

— Было бы замечательно. — я заправила прядь волос за ухо.

— Хорошо. Тогда сегодня мы говорим исключительно о мистере Беннете.

Я нахмурилась.

— О каком ещё мистере Беннете?

Улыбка исчезла с её лица.

— Я хотела рассказать тебе раньше, но решила, что лучше скажу лично.

Я села в машину, и Мэгги захлопнула дверь.

— Учитель литературы?

— Он самый.

Я улыбнулась, сама того не заметив.

Мистер Беннет был одним из немногих взрослых в моей жизни, которые почему-то никогда не относились ко мне как к обычной школьнице. Он первым сказал, что мне не обязательно выбирать профессию только потому, что она кажется безопасной или престижной. Именно он однажды задержал меня после урока и спросил, почему я так уверенно говорю о людях, которых едва знаю, и почему при этом совершенно не представляю, чем хочу заниматься сама.

Тогда я впервые всерьёз задумалась о журналистике, медиа, публичных выступлениях и о том, что моя любовь быть в центре внимания может быть очень полезной.

— Он умер три дня назад, — тихо сказала Мэгги.

Я отвела взгляд к окну. Город за стеклом постепенно начинал раскрываться передо мной, и вместе с ним возвращалось что-то давно забытое.

— Завтра похороны.

Я кивнула, всё ещё переваривая услышанное.

— Я пойду.

Мэгги посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Мне почему-то казалось неправильным не пойти. Если бы не он, возможно, моя жизнь сложилась бы совершенно иначе. Возможно, я никогда не переехала бы в Нью-Йорк. Не поступила бы туда, куда поступила. Не стала бы человеком, которого теперь знали миллионы.

— Он бы гордился тобой, — сказала Мэгги.

Я посмотрела на неё.

— С чего ты взяла? Я так и не стала ангелом Виктория Сикрет. — я решила разбавить атмосферу.

— Да, кажется, он немного переоценил твои способности. — она приснула от смеха.

Дом оказался меньше, чем я его помнила.

В детстве он казался мне огромным — с бесконечными коридорами, множеством комнат и тёмными углами, в которых прятались ночные монстры из моих кошмаров. Теперь передо мной стоял обычный двухэтажный дом с потускневшим фасадом, заросшим садом и старым крыльцом.

Он всё ещё был здесь, на том же месте, хотя за десять лет успел заметно постареть. Кто бы мог подумать, что дом может постареть.

Я достала из сумки ключи и несколько секунд рассматривала их на ладони, прежде чем подняться по ступеням.

— Уверена, что справишься одна? — спросила Мэгги.

— Да.

Она кивнула, достала мой чемодан из багажника и поставила его у двери.

— Тогда увидимся завтра на похоронах.

Она обняла меня на прощание, после чего села в машину и уехала, оставив меня одну перед домом, в который я когда-то была уверена, что никогда не вернусь.

Дверь открылась, и изнутри потянуло пылью, старым деревом и чем-то едва уловимым, что невозможно было забыть, даже если очень стараешься. В прихожей почти ничего не изменилось. На стенах висели фотографии, в гостиной стоял старый диван, а на кухне всё ещё висели часы, остановившиеся неизвестно сколько лет назад.

Я провела пальцами по их корпусу и оставила на пыльной поверхности чистую полосу. Дом словно не жил всё это время, а терпеливо ждал меня из моих странствий и приключений.

Я подняла чемодан и направилась вверх.

Моя старая спальня встретила меня тем же запахом пыли и закрытого помещения. На письменном столе остались книги, которые я когда-то собиралась забрать с собой, а на полке — фотографии, о которых я уже успела забыть.

Я подошла ближе. Среди них была одна, которую я когда-то очень любила. Мне было семнадцать, я сидела у Шона на коленях, показывая в камеру язык, а он смотрел на меня, его рука лежала у меня на талии, и на его лице была та самая улыбка, которую я когда-то принимала за нечто вечное.

Я перевернула фотографию лицом вниз.

Прошлое никуда не исчезло, оно просто ждало момента, когда я снова окажусь достаточно близко, чтобы вспомнить его.

Возле входа в церковь уже было много людей. Я успела сделать всего несколько шагов, когда услышала, как меня окликнули.

— Джосс?

Я обернулась.

— Боже мой!

Меня тут же заключили в объятия.

— Это правда ты?

— Ты вообще не изменилась!

— Еще как изменилась. Ты посмотри на неё!

— Ты куда пропадала, Джо?

За одной старой подругой подошла другая, потом ещё кто-то. Меня обнимали, трогали за руки, рассматривали так, словно пытались сопоставить девушку, которую видели сейчас, с той Джосс, которую знали раньше. Все говорили одновременно, перебивали друг друга, вспоминали какие-то школьные истории, спрашивали, где я живу, надолго ли приехала, правда ли я теперь живу в Нью-Йорке.

Я смеялась и отвечала. Иногда даже слишком громко — просто потому, что не знала, как ещё реагировать на это внезапное ощущение, будто меня на несколько минут перенесли назад во времени.

И мне правда было приятно. Здесь никто не смотрел на меня как на Джосс из интернета. Никто не просил фотографию, никто не пытался незаметно снять меня на телефон. По крайней мере, я не замечала. Для них я была просто Джосс. Девочкой, которая когда-то училась с ними в одной школе, прогуливала уроки, влюблялась не в тех парней и понятия не имела, что однажды её жизнь станет настолько непохожей на всё, о чём она тогда мечтала.

Мы уже начали двигаться ко входу, постепенно втягиваясь внутрь вместе с остальными, когда я вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд.

Я замедлилась. Сначала мне не хотелось оборачиваться, вокруг было слишком много людей, и я почти решила, что просто накручиваю себя.

В свете последних событий мне вообще постоянно казалось, что кто-то смотрит, что кто-то знает обо мне больше, чем должен.

Но потом кто-то из ребят, стоявших чуть дальше, махнул рукой и крикнул.

— Шон! Эй, Шон, давай сюда!

Я всё-таки обернулась и сразу увидела его. Наши взгляды встретились всего на секунду. Этой секунды хватило, чтобы всё вокруг отступило на второй план. Голоса друзей превратились в неразборчивый шум, кто-то продолжал говорить рядом со мной, кто-то смеялся, хлопнула дверь церкви, но я почти ничего не слышала.

Внутри всё вдруг болезненно сфокусировалось на нём — так резко, что я даже не сразу заметила, что рядом с ним кто-то стоит. Мой взгляд скользнул в сторону. Высокий мужчина рядом с Шоном тоже смотрел на меня. Я нахмурилась, пытаюсь понять, почему его лицо кажется таким знакомым. Итан. Младший брат Шона. Только это уже совсем не тот Итан, которого я помнила.

Я невольно улыбнулась.

Надо же.

Какой красавчик вырос.

Он, кажется, заметил мою реакцию. Я почти улыбнулась шире, но уже в следующую секунду снова перевела взгляд на Шона.

— Джосс, идём! — позвали меня.

Я повернулась к друзьям и пошла вместе с ними к церкви, но даже когда за моей спиной закрылась дверь, я продолжала чувствовать, что он на меня смотрит.

Боже, всё как в школе.

В баре было шумно настолько, что временами приходилось наклоняться друг к другу через стол, чтобы разобрать слова. Музыка била по ушам, кто-то постоянно проходил между столиками, официант едва успевал менять пустые бутылки и бокалы. Ребята говорили одновременно, перебивали друг друга, спорили о том, кто с кем встречался в школе и кто первым напился на выпускном.

Я смеялась вместе со всеми, вставляла какие-то комментарии. Даже рассказала пару историй, которые тут же обросли чужими дополнениями и стали совершенно не похожи на то,

как всё было на самом деле. Со стороны могло показаться, что я полностью растворилась в этом вечере, но всё внутри меня было сосредоточено на Шоне.

Я специально не смотрела на него. Не хотела давать ему понять, что вообще замечаю его присутствие. И всё же зачем-то каждый раз искала его в толпе. Я могла смеяться над очередной шуткой, слушать историю девушки напротив, кивать кому-то, но стоило Шону задержать на мне взгляд, как внутри всё мгновенно собиралось в одну точку. В него.

Я ненавидела себя за это, но почему-то продолжала ждать следующего раза.

— Джосс, ты вообще слушаешь? — спросил Эрик.

Я моргнула.

— Конечно.

— Тогда что я сказал? — за столом раздался смех.

— Что-то очень важное, — уверенно ответила я.

— Вот видишь!

— Я просто не хочу портить тебе момент и пересказывать твою историю лучше, чем ты сам. — все снова засмеялись, и я облегчённо улыбнулась вместе с ними, потом машинально потянулась за бокалом и в этот момент всё-таки опять, *будь я проклята*, посмотрела на Шона.

Господи.

Почему от одного короткого взгляда у меня внутри всё переворачивалось, будто мне снова семнадцать? Я сделала спасительный глоток.

В какой-то момент разговоры вокруг стали громче, музыка — лучше, а мысли — значительно менее организованными. Я уже чувствовала приятную лёгкость в теле. Ту опасную стадию, когда тебе кажется, что ты абсолютно контролируешь себя, хотя на самом деле начинаешь делать вещи, о которых завтра будешь думать: *Господи, ну где же были мои мозги?*

— Мне нужен воздух, — сказала я, поднимаясь. Взяла сумку и направилась к выходу.

На улице оказалось прохладнее. После духоты бара воздух ударил в лицо так приятно, что я закрыла глаза и глубоко вдохнула. Я прислонилась к стене рядом со входом и достала телефон. Ни одного уведомления.

Я уже собиралась убрать его обратно в сумку, когда услышала, как открылась дверь бара. Он остановился совсем близко. Я подняла на него глаза, собираясь спросить, что ему нужно, но Шон молча поднял руку, обхватил ладонью мою шею сзади, притянул к себе и поцеловал. Напористо, без колебаний, словно весь вечер только и ждал момента, когда мы останемся одни. Я выдохнула ему в губы и тут же ответила, ухватившись за его плечи.

Вот за это он мне всегда и нравился.

Шон никогда не тратил время на осторожные вопросы и намёки. Он смотрел на меня так, будто уже знал ответ, а потом просто действовал. Его пальцы крепче сжались на моём затылке, другая рука легла на талию и притянула меня вплотную. Поцелуй становился всё настойчивее, и я чувствовала, как остатки здравого смысла растворяются с каждой секундой.

- Как же я хочу тебя, - он резко прорычал мне на ухо. - Ты такая сексуальная. — прижал меня к стене, и я сильнее вцепилась пальцами в его рубашку. Ещё немного и мы снова перейдем черту.

Дверь за нашими спинами резко распахнулась и на улицу вышли пару ребят.

— Мы, кажется, помешали, — с ухмылкой произнёс один из них.

Шон застыл и резко отстранился от меня. Так быстро, что я чуть не потеряла равновесие.

Только что он прижимал меня к стене, а теперь стоял в нескольких шагах, отвернувшись в сторону.

— Чёрт, — тихо бросил он. Один из парней усмехнулся:

— Шон, всё в порядке?

— Да.

— А Джосс?

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Со мной всё прекрасно, — сказала я.

Шон наконец бросил на меня короткий взгляд, но в нём не было ничего похожего на то, что происходило, между нами минуту назад.

Серьёзно?

Я поправила волосы.

— Я пойду внутрь.

Никто меня не остановил, и я вернулась за сто. Я старалась продолжить разговор так, словно ничего не произошло, но мысли крутились только вокруг того, что только что произошло на улице.

Через пару минут Шон тоже вернулся, но теперь он словно намеренно избегал даже смотреть в мою сторону.

Паришивый ублюдок.

Я взяла бокал и сделала большой глоток.

— Ты чего такая серьёзная? — спросила Мелани.

— Просто думаю.

— Это опасно. — она рассмеялась.

У Шона вдруг резко зазвонил телефон. Он с раздражением посмотрел на экран и сбросил вызов. Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

— О-о-о, — протянул один из парней, который учился в параллельном классе. — Кажись у Шона горшок уже свистит, — За столом раздались смешки.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ничего, — сказал Шон слишком быстро.

Телефон снова зазвонил.

— Брат, ты домой вообще собираешься? — спросил парень напротив. — Валентина тебя завтра убьёт.

Я медленно повернула голову.

— Валентина? Кто такая Валентина?

За столом вдруг стало немного тише.

— Его жена, — ответила девушка, сидящая рядом с Шоном. Кажется, ее звали Мартой.

Я застыла. Мне показалось, что я просто не расслышала.

— Его... кто?

Шон опустил голову.

— Жена, — повторила девушка осторожнее.

Внутри что-то медленно провалилось, и я перевела взгляд на Шона, потом на его телефон. Он снова зазвонил.

— Она же дома с детьми, — продолжил кто-то, совершенно не замечая, что атмосфера за столом изменилась. — И беременная. Ей вообще нервничать нельзя.

Беременная. Я моргнула.

— Третьим, да, Шон? А то мы уже сбились со счёту — засмеялся один из тех парней, что нас застали.

Внутри меня начала подниматься ярость.

Этот похотливый сукин сын вообще не изменился!

Только несколько минут назад он прижимал меня к стене, целовал, а у него, оказывается, была жена. И двое детей. И третий ребёнок был уже на подходе.

Я громко поставила бокал на стол.

Теперь его поведение на улице вдруг стало до смешного понятным. Почему он отшатнулся от меня, как только вышли другие, почему перестал смотреть, почему сейчас выглядел так, словно предпочёл бы оказаться где угодно, только не здесь.

Меня накрыла такая волна злости и отвращения, что я почувствовала, как трезвею прямо на глазах. Самое ужасное заключалось в том, что если бы никто не вышел на улицу, я бы не остановила его. Я бы даже не спросила, свободен ли он.

Я поднялась из-за стола.

— Я поеду домой.

Он встал следом.

— Джосс...

— Поздравляю с третьим ребёнком.

Всю дорогу домой я прокручивала в голове один и тот же момент.

Его рука на моей шее, как он притянул меня к себе, его голос у самого уха.

Как же я хочу тебя.

Я стиснула руль сильнее.

— Господи, какая же я идиотка.

Слова растворились в пустом салоне. Меня злил не Шон. Ну, хорошо, Шон меня тоже злил. Но к нему я испытывала почти холодную, равнодушную ярость. Ту, которая не требует немедленно что-то разбить или закричать, она просто оседает внутри и заставляет видеть человека именно таким, какой он есть.

Шон оказался женатым. С двумя детьми. С беременной женой, которая, судя по бесконечным звонкам, сидела дома и ждала его возвращения.

И всё это время он смотрел на меня через стол, вышел следом, целовал.

Изменяющий кусок дерьма.

Но сильнее всего меня бесила я сама. Ну на что я рассчитывала, я же знала, какой он, и всё равно позволила ему сделать это снова.

Распалить. Публично унижить.

Я резко свернула на свою улицу.

Нет уж, хватит. Я больше не семнадцатилетняя девочка, которой можно помыкать, как ему хочется. И уж точно не собиралась становиться женщиной, с которой женатый мужчина решил вспомнить молодость.

При этой мысли меня снова передёрнуло.

Особенно прекрасно, Джосс, что ты даже не спросила, свободен ли он.

Я вылезла из машины, захлопнула дверь чуть сильнее, чем требовалось, и направилась к дому.

Бросила сумку на кухонный стол, скинула туфли и, не включая свет, прошла в гостиную. Я швырнула телефон на диван и провела ладонями по лицу.

Мне хотелось принять душ и стереть с себя запах бара, алкоголь, холодный ночной воздух. И особенно — Шона. Будто вода могла смыть память о том, как легко я снова позволила ему добраться до меня.

Телефон завибрировал и на экране высветилось уведомление.

Неизвестный номер.

Я же его заблокировала...

Я посмотрела на экран и почувствовала, как раздражение только усиливается. Ну конечно, как будто одного мужчины, решившего, что он имеет право вторгаться в моё личное пространство мне на сегодня было недостаточно.

Ну, и что ты хочешь сказать мне сегодня, мой, так называемый, сталкер?

Я схватила телефон с дивана и открыла сообщение.

Ни текста, ни имени, только видео.

Я нахмурилась. Палец завис над экраном.

Несколько секунд экран был почти полностью тёмным. Камера стояла неподвижно, а комната за спиной мужчины тонула в полумраке. Он сидел в кресле, в чёрной облегающей футболке и маске как из фильмов ужасов.

Это что, один из Diamonds?

Он был крупным. Не худым в той мальчишеской модельной манере, которую я привыкла видеть в Нью-Йорке. Его тело выглядело крепким, тяжёлым, настоящим. Широкие плечи заполняли кадр, массивные руки были напряжены, а предплечья — настолько рельефными, что я поймала себя на совершенно неуместной мысли.

Я застыла.

Какого чёрта?

Он смотрел прямо в камеру. Из-за маски невозможно было понять, какое у него выражение лица, но его посыл был предельно ясен.

Что, теперь я буду смотреть на тебя?

От его фигуры веяло такой уверенностью, что на секунду я даже забыла, что это, вообще то, мой враг. Он медленно опустил руку, и я увидела то, зачем он на самом деле прислал мне это видео. Своей крепкой массивной рукой он обхватил свой орган, и начал медленно двигать вверх вниз. Я чувствовала, как его взгляд был прикован к объективу камеры, и поймала себя на мысли, что я сама не в силах закрыть видео. Я почувствовала приятный жар внизу живота.

Тысячи мужчин смотрели на меня каждый день, и я давно привыкла к такому вниманию. Иногда я сама подталкивала их к этому — выбирала откровенные купальники, снимала себя с нужного ракурса, задерживала камеру на теле чуть дольше, чем требовалось. Это было частью социальной сделки. Мне нравилось управлять их вниманием, но сами они всегда оставались для меня лишь безликой массой по ту сторону экрана.

И вдруг я обнаружила себя в обратном положении: теперь смотрела я.

Впервые я не была объектом чужого взгляда — сейчас я подглядывала сама. Правда, даже это оставалось под его контролем. Он по-прежнему сам решал, что мне увидеть, а что скрыть: оставил лицо под маской, не дал услышать голос и не показал ни одной детали, которая могла бы выдать его личность. Он позволил мне заглянуть в свою жизнь ровно настолько, насколько хотел.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем он поднял руку, и грубым жестом показал указательным пальцем в камеру. На меня. Через несколько секунд он с глухим рыком кончил. Белая жидкость небрежно стекала по его массивной руке, пока он медленно продолжал двигать ею вверх вниз.

Я закашляла, от этой картины у меня возникло непреодолимое желание прикоснуться к себе. Это всё из-за Шона. Из-за алкоголя. Из-за того, что этот проклятый ублюдок весь вечер смотрел на меня так, будто, между нами ничего не закончилось, а потом вышел на улицу и окончательно лишил меня способности нормально мыслить.

Да, у меня давно не было близости.

Решив сбросить накопившееся напряжение, я медленно прошла в гостиную, села на мягкое кресло, спустила трусики и бросила их на журнальный столик. Голову откинула назад и прикрыла глаза. Рука сама нашла нужный комок чувствительности, и уже буквально через несколько движения мощный поток удовольствия пронёсся через всё тело.

Телефон неожиданно пиликнул, оповещая о сообщении.

Ты очень красивая во время оргазма.

Я резко выпрямилась в кресле, с тревогой озираясь по сторонам.

Он что, видел меня?

Ноги резко обдало холодом. Комната была погружена во мрак, и только свет из окон освещал некоторые участки дома. Я начала отчаянно вглядываться в темноту, ожидая увидеть

опасный силуэт. Воображение сразу же начало рисовать тревожные картинки из детских кошмаров.

- Кто здесь? – громко крикнула в пустоту.

В ответ меня встретила пугающая тишина. Я осторожно встала с кресла, продумывая возможные пути решения, и когда я уже хотела сделать шаг, громкий удар в дверь заставил мое сердце пропустить удар. Я замерла, с ужасом представляя, что этот человек от меня хочет.

- Открывай, Джосс. Я знаю, что ты там. – громко кричал Шон за дверью.

Опасаясь, что сейчас он разбудит соседей, и опозорит меня еще больше, я поспешила открыть дверь. Он стоял на крыльце, тяжело опираясь рукой о дверной косяк. Пьяный. Не слегка навеселе — по-настоящему пьяный. Его рубашка была расстёгнута, волосы растрёпаны, а взгляд казался мутным, хотя, увидев меня, он неожиданно сфокусировался.

— Вот ты где, — произнёс он с таким облегчением, будто искал меня по всему штату.

Я уставилась на него.

— Ты серьёзно?

Он попытался улыбнуться.

— Очень.

— Уходи.

— Джосс... Мне нужно поговорить с тобой.

— Тебе нужно домой.

— Я и пришёл домой. К тебе. — он попытался войти.

— Дом твоих родителей напротив, иди туда, или к жене.

— Не называй её.

Я замерла.

— Что? — от него так разило алкоголем, что я невольно поморщилась.

— Валентину.

Он произнёс её имя с таким раздражением, словно проблема этого вечера заключалась именно в том, что кто-то посмел его упомянуть.

— Ты омерзителен.

— А ты красивая. — он шагнул вперёд.

Я попыталась удержать дверь, но он качнулся, потерял равновесие и практически ввалился внутрь, едва не сбив меня с ног.

— Чёрт!

Я отскочила в сторону. Шон ухватился за стену, выпрямился и оглядел гостиную.

— Я так скучал по тебе. Ты помнишь, как мы с тобой на этом диване...

— Вон. — я указала ему пальцем на дверь.

Он посмотрел на него и вдруг рассмеялся, а затем с точностью трезвого человека резко двинулся вперед, схватив меня за талию. В нос ударил сильный запах перегара.

— Ну же, Джосс, где же моя страстная девочка. — он притянул меня ближе, с жадностью целуя мою шею. Я начала вырываться, опасаясь, что он оставит мне следы.

Но он, кажется, этого даже не заметил. Его наглые руки начали спускаться вниз, задирая мою юбку, пока не обнаружили отсутствие трусиков.

Черт.

Он довольно хмыкнул, впившись пальцами в голое тело.

— А ты ждала меня, негодница. — он довольно рассмеялся.

— Шон, — сказала я строго. — Уходи. Ты женат.

Он перестал улыбаться.

— Хочешь, я разведусь? Я всегда любил только тебя. Ты же знаешь. Ты только скажи.

Я с отвращением попыталась оттолкнуть его от себя.

— Уходи, Шон.

— Из-за... — он не успел договорить, так как в дом влетела разъяренная Валентина.

Сейчас она выглядела не так, как раньше. Видимо, годы жизни рядом с этим куском дерьма дали о себе знать. Она расплнела, ее некогда красивые рыжие волосы потускнели, а под глазами виднелись глубокие темные круги.

— Я так и знала, что ты попытаешься его увести! — она кричала так громко, что надежды не разбудить соседей больше не осталось.

— Как ты смеешь лезть в нашу семью, у нас дети! Он не любит тебя, ты для него давно в прошлом, шлюха!

Я хотела было сказать, что я не знала, что он женат, что он мне не нужен, как она бросилась на меня с кулаками. Она резко схватила меня за волосы, и попыталась ударить головой о стену. От неожиданности я опешила и пропустила первый удар. Из носа хлынула кровь.

Почувствовав боль, во мне поднялась такая ярость, какую я не испытывала никогда в жизни. Я вдруг решила выместить на них всю боль и страх, какие испытывала последние несколько недель.

Я схватила тяжелую керамическую вазу и закричала:

— Пошли вон из моего дома, два куска неудачников. Чтобы я не видела никого из вас даже рядом. Еще раз придёте сюда, я вас упеку за проникновение в частную собственность. Считаю до трех, пока вы не свалите. — неожиданно Шон, видимо окончательно протрезвевший от накалившейся ситуации, схватил свою жену за руку, и выволок ее из моего дома.

Я громко захлопнула за ними дверь, а затем медленно прошла обратно в гостиную, и рухнула на диван.

Мастурбирующий неизвестный мужчина в маске.

Шон.

Его сумасшедшая жена.

Сил подняться в спальню больше не оставалось, и через несколько секунд я уже провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Глава 5

Проснулась я с таким ощущением, будто всю ночь спала на курьих ножках. Несколько секунд я лежала с закрытыми глазами, пытаюсь понять, почему моя кровать вдруг стала настолько неудобной. Спина ныла, шея затекла, а холодный утренний воздух неприятно касался открытых ног. Когда я наконец заставила себя открыть глаза, передо мной оказался не привычный потолок спальни, а гостиная.

Я медленно села, тут же поморщившись от боли в висках.

Воспоминания начали возвращаться не сразу. Бар, затем Шон, его поцелуй, потом Валентина. Её перекошенное от ярости лицо. Удар.

Я осторожно коснулась щеки и поморщилась.

— Кажется пора сваливать отсюда, — пробормотала я.

В голове шумело, во рту пересохло, а воспоминания о вчерашнем вечере становились всё отчётливее и вместе с этим — всё хуже. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить ещё кое-что, из-за чего я окончательно перестала жалеть себя.

Мужчина, которого я не могла назвать иначе, кроме как своим сталкером.

Я резко выпрямилась, но тут же пожалела об этом, потому что комната перед глазами поплыла, заставив меня ухватиться за спинку дивана.

— Господи, — простонала я. — Больше никогда.

Обещание звучало не слишком убедительно, учитывая количество раз, когда я давала его себе после подобных вечеров.

Мне отчаянно хотелось принять душ и переодеться. Желательно ещё стереть последние сутки из памяти, но, поскольку современной медицине пока не удалось изобрести такую услугу, пришлось ограничиться водой и аспирином.

Я поднялась с дивана и уже собиралась направиться вверх, когда мой взгляд остановился на журнальном столике. Что-то было не так.

Я нахмурилась, ещё раз оглядывая лежащие на нём вещи. Телефон, резинка для волос, одинокая серёжка, которую я, вероятно, потеряла ещё ночью, и стакан с остатками воды — всё выглядело именно так, как и должно было выглядеть после моего вчерашнего состояния.

Я медленно подошла ближе. Трусиков не было.

Несколько секунд я просто смотрела на столик, ожидая, что память сейчас подкинет мне объяснение, но ничего не происходило. Я совершенно отчётливо помнила, как сняла их и бросила именно сюда. Не куда-то рядом, не на пол, не на кресло.

Сюда.

Я присела, заглянула под столик, затем проверила пространство между диваном и креслом. После этого поднялась и отодвинула кресло, чувствуя, как внутри постепенно появляется неприятное напряжение.

Ты очень красивая во время оргазма.

Я выпрямилась и оглядела гостиную, будто только сейчас действительно увидела помещение, в котором провела ночь. Окна были закрыты. Входная дверь тоже. На первый взгляд всё оставалось на своих местах, и всё же после сообщения, которое я получила вчера, собственный дом больше не казался мне настолько безопасным, как раньше.

Я попыталась глубоко вдохнуть и заставить себя мыслить рационально. Вчера здесь была не только я, но и Шон. Эта мысль принесла облегчение лишь на мгновение, потому что затем я представила как отреагирует Валентина, когда обнаружит мои трусики у Шона в кармане.

Кроме того, раньше он уже так делал. Когда мы были подростками, Шон обладал раздражающей привычкой забирать вещи, которые ему не принадлежали, а потом с совершенно довольным видом наблюдать, как я переворачиваю комнату вверх дном.

— Это Шон, — сказала я вслух, скорее пытаюсь убедить себя, чем действительно веря в собственные слова. — Сто процентов Шон.

Я поднялась наверх, решив, что сначала приму душ, а уже потом буду разбираться с тем, какой из мужчин в моей жизни окончательно потерял чувство границ.

В ванной я включила воду, стянула с себя одежду и только потом посмотрела на своё отражение. На шее отчётливо выделялись красноватые следы.

Будь ты проклят, Шон Стаккери.

Я подошла ближе к зеркалу, слегка повернула голову и провела пальцем по одному из засосов. От прикосновения кожа отозвалась лёгкой болью, и вместе с ней внутри снова поднялось раздражение.

— Надеюсь, Валентина выбьет тебе все зубы, — тихо сказала я смотря на своё отражение.

Телефон, лежавший рядом с раковиной, завибрировал. На экране снова высветился неизвестный номер. Сердце ударилось сильнее, и я вдруг особенно остро почувствовала собственную наготу.

Я взяла телефон.

Когда ты позволишь мне посмотреть на тебя вживую, красавица?

Я перечитала его дважды.

Вживую.

От этого слова по спине медленно пробежал холодок. Будто он не просто хотел встретиться, будто он уже находился достаточно близко, чтобы ждать моего разрешения.

Я резко обернулась. За моей спиной была только ванная.

Пустая.

— Псих.

И в ту же секунду снизу послышался звук. Это не было похоже на скрип старого дома или случайно упавшую вещь. Звук был слишком отчётливым, чтобы я могла убедить себя, будто мне показалось.

Кто-то ходил внизу.

Сердце забило быстрее. Я быстро схватила полотенце, обернула его вокруг тела и подошла к двери. Несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к тишине, которая внешне стала настолько глухой, что я могла различить собственное дыхание.

Затем нажала на ручку, и дверь приоткрылась. Я выглянула в коридор.

Солнечный свет падал через окно в конце лестницы, освещая старое дерево на полу. Всё выглядело совершенно обычным, и именно это почему-то пугало сильнее всего.

Я осторожно вышла из ванной и направилась к спальне. Дверь была открыта.

Я замедлилась.

Утром я почти не заходила сюда, поэтому не могла с уверенностью сказать, оставила ли её открытой сама. После вчерашнего количества алкоголя мой мозг вообще не являлся надёжным источником информации.

Я сделала ещё несколько шагов и остановилась.

На кровати лежали мои трусики.

Белая ткань лежала почти посередине покрывала, словно кто-то специально положил её туда, чтобы я обязательно заметила. Я прекрасно помнила, где оставила их вчера: на журнальном столике, точно не на собственной кровати.

Он был здесь.

Сначала эта мысль заставила меня напрячься, но затем разозлила.

Как же мне надоело.

Надоело бояться каждого звука.

Надоело проверять телефон и ожидать нового сообщения.

Надоело чувствовать себя так, будто кто-то превратил мою жизнь в спектакль и уселся где-то в первом ряду, уверенный, что имеет право смотреть.

Я больше не хотела быть зрителем в собственной истории.

Сжав пальцы в кулак, я резко развернулась и вышла в коридор.

— Ну выходи, — громко сказала я, глядя в сторону лестницы. — Ты ведь этого хочешь? Дом ответил тишиной. Я почувствовала, как злость становится сильнее.

— Покажись уже, чёрт возьми.

Мой голос эхом разнёсся по пустому дому.

Я спустилась на несколько ступеней, оглядывая гостиную.

— Ты следишь за мной. Пишешь мне. Смотришь на меня...

Я замолчала, потому что последние слова неожиданно прозвучали совсем иначе, чем я хотела. Перед глазами всплыло вчерашнее сообщение.

Ты очень красивая во время оргазма.

Пальцы сжались сильнее.

— Так покажись, — я продолжала кричать. — Я хочу знать, кто ты.

Телефон завибрировал. Я вздрогнула, едва не выронив его.

Несколько секунд я просто смотрела на экран, после чего вернулась в ванную и захлопнула дверь за собой.

Только потом до меня дошло, насколько бессмысленно это было. Если он действительно находился в доме, тонкая деревянная дверь ванной вряд ли могла меня защитить.

Я разблокировала телефон.

Я приду вечером.

Почти сразу пришло следующее.

Жди.

Я стиснула телефон в руке и почувствовала, как злость снова смешивается с тревогой.

Вечером.

Он собирался прийти ко мне вечером.

Но если это действительно был тот самый человек, который преследовал меня в Нью-Йорке, как, чёрт возьми, он успел приехать сюда за мной так быстро? У него же наверняка есть своя жизнь, работа. Как он так быстро сорвался за мной так далеко? Я мысленно вернулась к последним дням, перебирая события в том порядке, в котором они происходили.

Цветы, которые мне присылали в Нью-Йорке, их ведь вполне мог прислать... Шон. Не помню, рассказывала ли я когда-нибудь ему о том, что они мне нравятся, но в те годы он знал обо мне гораздо больше, чем сейчас. И адрес он тоже мог вполне достать через общих знакомых. Единственное, что сильно расходилось с этой версией – взлом моих аккаунтов. У Шона бы никогда мозгов не хватило это сделать. Да, у него была своя фирма по электроснабжению, но это больше механическая работа, чем компьютерная.

Так что цветы сами по себе ничего не доказывали. Возможно, за взломом, тогда действительно стояли Diamonds. Но в записке было сказано, что они лгут. Что-то не сходилось.

Я нахмурилась ещё сильнее, пытаюсь найти хоть какое-нибудь разумное объяснение, которое не выглядело бы совершенно безумно. Даже если это действительно сталкер, и он каким-то образом узнал, куда я уехала, ему всё равно потребовалось бы время, чтобы добраться сюда. Кто же тогда положил мои трусики на кровать?

Я закрыла глаза.

Шон действительно мог быть здесь. Более того, он уже был здесь вчера. Он знал дом, знал меня, знал, где искать мои вещи, и ему никогда не требовалось особого приглашения, чтобы нарушить мои границы.

Он всегда был таким. Когда мы были подростками, его ревность легко превращалась в контроль. Ему хотелось знать, где я нахожусь, с кем разговариваю, кто мне пишет и почему

я вдруг решила провести вечер без него. Если кто и мог войти в дом, взять мои трусики и оставить их на кровати, прекрасно понимая, какое впечатление это произведёт, то Шон подходил на эту роль гораздо лучше, чем какой-то человек, который якобы только что приехал из Нью-Йорка.

От этой мысли мне стало немного спокойнее.

Но оставался главный вопрос: кто же тогда взломал аккаунты?

В дверь постучали так неожиданно, что я вздрогнула.

Несколько секунд я стояла посреди коридора, не двигаясь. После всего, что произошло этим утром, любой звук в доме воспринимался иначе. Слишком отчётливо, слишком близко.

— Джосс? — донёсся снаружи знакомый голос. — Ты там живая?

Я медленно выдохнула. Это была Мегги.

И всё же, прежде чем открыть дверь, я машинально посмотрела на телефон, лежавший в моей руке.

Никаких новых сообщений.

Я поправила волосы, плотнее запахнула кардиган и повернула замок.

Мегги стояла на крыльце с двумя стаканами кофе и выражением лица человека, который пришёл не просто поздороваться.

Её взгляд медленно скользнул по мне сверху вниз.

Остановился на шее.

— О. — я нахмурилась.

— Что?

Она протянула мне стаканчик.

— Просто теперь я понимаю, почему Шон сегодня утром выглядел так, будто подрался с собственной жизнью и проиграл.

Я взяла кофе.

— Его... побили?

— Ага, жена — она задумалась, проходя мимо меня в дом. — Скажем так, уже не первый раз

Я закрыла за ней дверь.

— Кто бы мог подумать, что это именно он жертва абьюза... Какая драма.

— Нет, драма — это когда ты исчезаешь на несколько лет, возвращаешься в город, в первый же вечер целуешься со своим бывшим, а утром я встречаю его с разбитой губой.

Я застыла.

— Вы спали? — Мегги повернулась ко мне.

— Нет!

— Да ну!

— Нет, Мегги! Он пришел сюда вчера ночью пьяный, но его жена, видимо, знает его слишком хорошо. Я выгнала их обоих.

Я медленно сделала глоток кофе.

— Она меня ударила.

— Что?! И она еще жива? А как же Джосселин-ака-Боксерские перчатки?

Она прошла в гостиную, опустилась на диван и похлопала ладонью рядом с собой.

— Я не дерусь с беременными. И в целом... больше не дерусь.

— Звучит скучно.

Я устроилась рядом с ней на диване. Мегги повернулась ко мне всем корпусом.

— Итак, у тебя, типа, кто-нибудь есть?

Я хотела рассказать ей о сталкере, но в последний момент передумала.

— Вообще-то есть кое-кто, но он довольно навязчивый.

— Какая база?

Я отпила кофе.

— Нулевая. Я думаю, что он псих. Вчера прислал видео, как наяривает себе в темной комнате.

Она даже не моргнула.

— Ого... Это ваши городские игрушки, да – она засмеялась.

На телефон пришло уведомление, и я замерла, в ожидании увидеть *Неизвестный*

— Ты в порядке? — голос Мегги вырвал меня из мыслей.

Это было просто сообщение от Оливии.

Мегги внимательно смотрела на меня, ожидая услышать продолжение. Я хотела рассказать, сказать, что меня преследует человек, которого я никогда не видела, что он знает обо мне слишком много, что я не чувствую себя в безопасности в собственном доме. Слова уже почти сорвались с губ.

Мегги, за мной кто-то следит.

— А Шон давно с Валентиной? — я решила зайти издалека, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как обычное любопытство.

Мегги сразу усмехнулась:

— А что это ты вдруг так им заинтересовалась? Неужели лысеющая голова Шона всё-таки произвела впечатление? — я покачала головой.

— Я даже не знала до вчерашнего дня, что у него есть семья, — ответила я. — Выходит, они давно вместе?

— Да. Шон когда-то часто заходил к нам в кафе. Сначала просто болтал с Валентиной у стойки, потом стал ждать её после смены, провожать домой. Так у них всё и закрутилось. Для неё это быстро стало серьёзно, а Шон... — Мегги пожала плечами. — Шон всегда был большим любителем погулять. Даже когда они только начали встречаться, он умудрялся заглядываться на других.

— И Валентина это терпела?

— Поначалу старалась не замечать, а потом словно с цепи сорвалась. Начала ревновать его ко всем подряд, устраивать сцены. Причём не только ему. Через какое-то время она и меня стала подозревать, хотя я вообще никогда не давала ей повода. Стоило Шону задержаться у нас в кафе или перекинуться со мной парой слов, так Валентина уже смотрела так, будто мы тайком встречаемся.

— И что ты делала?

— Пыталась объяснить, что между нами ничего нет, но ей было всё равно. В конце концов она устроила такой скандал, что мы на время перестали общаться, да и я уволилась из кафе. Сейчас мы соседи, и она, вроде, немного подуспокоилась.

Я покачала головой.

— А он чем сейчас занимается? — спросила я, будто только теперь вспомнила об этом. — Он вроде взял компанию отца на себя?

— Да, у его отца фирма по электрике и оборудованию. Шон там всем понемногу занимается, а теперь, кажется, всё больше дел на себя берёт. Компания растёт, заказов у них хватает. Недавно он даже ездил в командировку в Бостон.

— В Бостон? — переспросила я, стараясь не выдать внезапного внимания.

— Да. По-моему, на несколько дней. Вернулся буквально перед похоронами мистера Беннета.

Я медленно поставила чашку на стол.

Перед похоронами.

Значит, Шон вполне мог быть в клубе в ту ночь, а потом вернуться к своей беременной жене и детям так, словно ничего не произошло. Чем больше Мегги рассказывала, тем меньше

его образ походил на случайное подозрение и тем настойчивее обретал очертания моего возможного stalkера.

Мегги положила мне на плечо и посмотрела в глаза.

— Джосс, ты что, всё ещё любишь его? — она спросила тихо.

Я резко повернулась к ней, сбросив ее руку.

— Нет, конечно. Я приехала из-за дома.

Она посмотрела по сторонам.

— А что с ним?

— Я хочу его продать. — я пожала плечами.

Когда я вернулась домой, солнце уже почти скрылось.

Внутри было темно. Я вошла и несколько раз проверила, точно ли я закрыла дверь.

Я поднялась наверх и остановилась перед дверью родительской спальни. Я не заходила сюда с тех пор, как вернулась домой, и теперь на мгновение замерла на пороге, чувствуя странное сопротивление.

В комнате почти ничего не изменилось. Старая кровать с тёмным деревянным изголовьем по-прежнему стояла у стены, на прикроватной тумбочке лежала книга, которую отец так и не дочитал, а на комод сохранилась фотография, где мы втроём ещё выглядели людьми, которым впереди отведено бесконечно много времени.

Даже запах остался прежним — смесь старого дерева, пыли и чего-то едва уловимо знакомого, что невозможно было назвать словами, но от чего внутри болезненно жалось.

На небольшом столике у окна стояла коробка, которую я раньше не замечала. Я подошла ближе и сняла крышку, внутри лежали тетради.

Мои детские дневники.

Я взяла верхний блокнот и провела большим пальцем по потёртой обложке. Когда-то мне казалось, что дневник нужен только для того, чтобы спрятать от других то, что нельзя было произнести вслух. Теперь я зарабатывала на жизнь тем, что делала практически противоположное.

Я поставила дневник обратно и только тогда вспомнила, зачем вообще поднялась наверх. По закону нашего штата, каждый имел право держать дома оружие на случай незаконного проникновения. Я открыла дверцу и достала оружие отца из сейфа. Холодный металл лёг в ладонь неожиданно знакомо.

Несколько секунд я просто смотрела на него, а затем память сама вернула меня в прошлое.

Мне было двенадцать. Отец стоял рядом на стрельбище, внимательно следя за тем, как я держу оружие. Я помню его голос — спокойный, почти сухой, совсем не похожий на тот голос, которым он разговаривал со мной дома.

— Расслабь руки.

Я сильнее сжала пальцы.

— Я боюсь.

Он посмотрел на меня строго.

— Ты должна уметь защитить себя, Джо.

Я перевела взгляд на мишень.

— От кого?

Отец немного помолчал.

— От людей с плохими намерениями.

Воспоминание растворилось так же быстро, как возникло. Я снова стояла посреди родительской спальни, сжимая холодный металл в руке. Когда-то эти слова казались мне преувеличением взрослого человека, который пытался научить дочь осторожности.

Теперь они звучали совсем иначе.

Я вышла из комнаты и медленно направилась к лестнице. Каждая ступень отзывалась приглушённым скрипом, а внизу меня снова встретила тишина. Я задержалась на последней ступеньке и прислушалась.

Ничего, только старые часы где-то в глубине дома отмеряли секунды.

В гостиной я решила расположиться на диване, и полистать свои детские дневники. С этого ракурса хорошо было видно входную дверь.

Я открыла первый дневник.

Сегодня Шон опять забрал мой велосипед. Ненавижу его.

Я усмехнулась.

Следующая запись была через несколько лет.

Шон сказал, что я красивая. Потом сказал, что пошутил. Ненавижу этого яйце-голового.

Я усмехнулась. Точно, *яйцеголовый*.

— И как я только могла забыть.

Ещё несколько страниц.

Сегодня Шон меня поцеловал. Теперь я официально его девушка.

Дальше почерк становился взрослее.

Сегодня Шон разозлился, что я разговаривала с Бредом Саммерсом. Он ударил кулаком дверь в столовой. Его родителей вызвали в школу.

Я остановилась.

Шон сказал, что если я тол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.